

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Т. Л. БАТАЛОВА	директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)
Г. Г. БЕРНАЦКИЙ	профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. Г. ГРАФСКИЙ	главный научный сотрудник, заведующий Сектором истории права, государства и политических учений Института государства и права РАН, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ, доктор юридических наук, профессор
А. А. ДОРСКАЯ	заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
А. С. КАРЦОВ	профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук
С. А. КОМАРОВ	заведующий кафедрой теории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор
В. В. ЛАПАЕВА	советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
Е. А. ПЕТРОВА	доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук
Р. А. РОМАШОВ	декан юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
К. Е. СИГАЛОВ	директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ, доктор юридических наук
В. М. СЫРЫХ	заведующий отделом теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Е. В. ТИМОШИНА	профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук
Е. Н. ТОНКОВ	старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, кандидат юридических наук
В. В. ТРОФИМОВ	профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
И. Л. ЧЕСТНОВ	профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ
В. Л. ЭНТИН	директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат юридических наук

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Вчера на пленарном заседании мы услышали много интересных выступлений. Сегодня нам предстоит обсудить более узкий круг проблем, связанных с правом. Просмотрев программу, я нашел ее очень интересной. Для обсуждения предлагаются вопросы, связанные с философией права, с проблемами национального и международного права. Еще один вопрос, чисто российский: кто виноват и что делать, или каковы пути развития российского законодательства? Предлагается также обсудить вопросы, связанные с возможными тенденциями международно-правового регулирования. Это темы, которые мы затронем сегодня.

В рамках выступлений могут быть различные точки зрения, и это правильно. Лихачевские чтения для того и собираются, чтобы мы искали истину, это их отличительная черта. Между тем один вопрос в программе сформулирован утвердительно. Думается, что он является одним из фундаментальных для дальнейшего обсуждения, поэтому я хотел бы обратить на него особое внимание: «Национальное право как автаркия и сегмент системы международного права». По-моему, требует обсуждения второе качество: как сегмент системы международного права. Мы можем строить любые изящные и логичные конструкции, это неотъемлемое условие права в его теоретическом и философско-правовом контексте. Тем не менее необходимо осознавать реалии, которые сформировались не в чьем-то сознании, а в действительности, в первую очередь на Европейском континенте.

Международное право возникло только тогда, когда появились равные среди равных, когда государства, в которых действовали свои нормы права, смогли заключать в большей или меньшей степени равноправные договоры. Поэтому изначально право начинает развиваться как право национальное (внутригосударственное). И только вопросы, связанные с необходимостью взаимодействия народов и правовых систем, порождают потребность в создании иной совокупности норм — того, что мы сегодня называем международным правом. Поэтому я предлагаю изначально задать установку, что национальное право является сегментом системы международного права. Но моя точка зрения не вполне отражает реальную историю развития права в целом — как национального, так и международного. В связи с этим, думается, правильнее было бы говорить о взаимодействии систем национального и международного права, нежели априорно настаивать на подчиненности, потому что каждое из них также является системой.

Возможно, кто-то из коллег постарается выстроить определенную иерархию и установить подчиненность. Но, думается, для того чтобы прийти к пониманию того, что есть изначально, а что — подчиненное, необходимо начать с исследования вопроса, связанного с взаимодействием, а не с вопроса о субординации.

А теперь предоставляю слово Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Прежде всего я хочу обратиться к широко употребляемому термину «толеран-

ность». Двадцать лет тому назад ЮНЕСКО опубликовало Декларацию принципов толерантности. В этом документе приводится перечень позиций, которые характеризуются агрессивностью, насилием, непримиримостью, унижением. Все эти проблемы возникают, в частности, на религиозной или национальной почве и требуют продуманной реакции, которая будет снижать напряженность, созданную проблемами в отношениях между людьми и целыми народами. Особенность наших нынешних обсуждений состоит в том, что мы не сопоставляем глобализацию и национальные интересы. Речь идет о том, каким образом все это совмещать и решать проблемы, возникающие в процессе глобализации или, напротив, в связи с национальным обособлением или провозглашением принципов, нарушающих взаимопонимание между народами. Поэтому хорошо, что мы настроены на позитивное обсуждение, позволяющее выстраивать конструкции по улучшению, интериоризации социальных напряженностей, которые существуют в мире и внутри отдельных государств.

Вчера во время пленарного заседания один из участников напомнил известный афоризм: XX век — это век конфликтов. Действительно, с начала до конца века — сплошные войны. А XXI век — это век договаривающихся людей и народов. Таким образом, одна из определяющих черт нынешнего века — настроенность на согласие, преобладающее ожидание — достижение взаимных договоренностей.

Как представляются интериоризация или возможные позитивные сдвиги в области снижения нетерпимости? Думаю, что в этом деле один из необходимых инструментов, проверенных веками, — право, правовые институты: законность и правосудие, то есть справедливый суд. Это проверенные помощники в деле достижения взаимопонимания и уменьшения конфликтности как между отдельными людьми, так и между народами. Необходимо также учитывать некоторые принципы, которые распространяются на область функционирования правовых институтов. Во-первых, мне представляется, что и в понимании права, и в оценке отдельных правовых институтов не хватает одного слова, которое почему-то исчезло из нашего обихода. Это слово «справедливость». Я считаю, что право — это такое требование, в котором есть элементы и законности, и справедливости. Если закон не очень хорош, то справедливость поможет решить, как его улучшить. Но в наборе характеристик справедливости должно быть что-то легкоузнаваемое. Допустим, равенство перед законом и судом как принцип правовой справедливости. Во-вторых, еще древние юристы утверждали, что право — это искусство. Искусство доброго и справедливого. Думаю, что характеристика всех юридических учреждений под этим углом зрения тоже имеет смысл. Творческая задача для всех нас — постараться найти «перевод» этих принципов на язык современных реалий.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Владимир Георгиевич! В современном мультикультурном обществе есть много культур, разные цивилизации, возможно, универсаль-

ная справедливость, если ее трактовать в формальном юридическом контенте, для которого справедливость — это равенство перед законом. Но это не только формальный принцип. Возможна ли содержательная справедливость в мультикультурном сообществе?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Вопрос непростой, боюсь не справиться с ответом. Как сделать мультикультурное общежитие дружественным и перспективным? Мы с вами, уважаемые коллеги, об этом мало думаем. Вот Илья Львович заинтересовался, Гадис Абдуллаевич в онтологии права обращается к этим вопросам. Но в решении этой проблемы должны участвовать не только правоведы, но и философы, социологи, психологи. Наверное, в скором времени так и будет. Было бы идеально, если бы право стало добрым и справедливым. Человек не может жить без ориентиров, которые возвышаются над житейскими мелочами. Поэтому считаю, что к этому вопросу надо подходить с помощью какой-нибудь «надъюридической» конструкции. Какой она будет и как ее назвать — это предмет для глубокого размышления и творческая задача.

В. Л. ЭНТИН: — Владимир Георгиевич, в своем докладе, опубликованном на сайте, Вы говорите, что идея мирового правительства сулит незавидную участь народу, который окажется под прессом кучки банкиров и наемных интеллектуалов. Но можно ли быть уверенным, что такая же участь не постигнет людей, чья страна управляется национальным правительством? И второй вопрос. Говоря о преемственности развития правовых идей, Вы указываете на поразительную схожесть прав и свобод, прописанных в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки и Конституции Японии. Однако известно, что Конституция Японии была написана в штабе оккупационной армии...

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Но она живет и действует уже более полувека.

В. Л. ЭНТИН: — Да, она считается японской, а текстуальное совпадение вполне объяснимо. Это обусловлено не ментальным сходством, а тем, что поверженная Япония приняла все условия победившей стороны.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Можно также вспомнить, что слово «демократия» — не русское, а заимствованное, и сделать вывод, что кто-то навязал всем его употребление. Что касается мирового правительства, то еще классики говорили, что все зависит от расклада политических сил, как и в рамках нации. Понятно, что сегодняшнее гипотетическое мировое правительство будет формироваться определенными заинтересованными силами, имеющими те характеристики, о которых я писал.

В. Л. ЭНТИН: — Я хотел бы напомнить об истоках рассуждений и споров о толерантности. Этот термин стали активно употреблять после межплеменной резни в Африке (я в тот момент работал в постпредстве

России при ЮНЕСКО). Тогда для разжигания вражды были использованы радиостанции, полученные в дар от международных организаций, которые надеялись с их помощью развивать свободу слова и демократию в африканских странах. Тема толерантности возникла как интеллектуальная реакция на произошедшее и сначала имела сугубо прикладное значение. Позднее о толерантности стали говорить в связи с реалиями, складывающимися в развитых мультикультурных обществах.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Еще к вопросу о терминологии. Профессор Энтин рассказал, что во французской Декларации прав человека и гражданина под словами «человек» и «гражданин» подразумевается исключительно мужчина. Получается, что на женщин эти права не распространяются. А в нашем сегодняшнем словаре есть термин «уголовное право», которое можно понимать двояко, в том числе как «право уголовника».

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Владимир Георгиевич, когда мы говорим о стремлении к толерантности в условиях глобализации, то понимаем, что речь идет о явлении в глобальном масштабе, и не только на теоретическом уровне. Реализация идеи толерантности возможна на практике, хотя это очень сложный путь. Но когда мы вводим понятие справедливости (даже без участия философов), мне все же думается, что его можно рассматривать в региональном смысле, например можно говорить о евросправедливости. При всем многообразии взглядов и традиций государства включают этносы, субэтносы и т. д. То есть можно найти общее для всех. И это демонстрируется теми усилениями, которые предпринимаются в Европе. Но совсем другое дело — рассуждать о справедливости в глобальном плане. Что Вы думаете о справедливом праве в условиях глобализации?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Как определить, что справедливо в международном, государственном, семейном праве? Одного из древних законодателей однажды спросили, почему он в своих законах не упоминает о демократии. На что он ответил: «Вы вначале у себя в семье добейтесь демократии, а дальше посмотрим». Думаю, что и справедливости надо достигать так же: сначала в семье, потом в государстве и только после этого — в международном общении.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Уважаемые коллеги, тема проблем национального суверенитета в рамках глобально мироустройства резко актуализировалась в рамках идущего сейчас международного кризиса, связанного с событиями на Украине. Но истоки этого кризиса гораздо более глубокие. Они восходят к краху социалистической системы, приведшей к слому биполярного мира, в рамках которого до недавнего времени держалась политическая стабильность. Сейчас эта стабильность рухнула, сложилась крайне напряжен-

ная и опасная ситуация, которая демонстрирует всем нам, что проблема национального суверенитета по своим масштабам, глубине и актуальности выходит далеко за рамки той сферы юридического знания, которая обозначается как международное право. Это проблема, о которой сейчас должны заботиться специалисты самого разного профиля.

На Западе уже в течение нескольких десятилетий, как минимум с образования Лиги Наций, проблемы национального суверенитета находятся в центре широких, очень мощных философских дискуссий о перспективах развития глобального правопорядка. Мы же этой проблемой озаботились только сейчас. В апреле этого года был проведен Московский юридический форум, посвященный проблемам национального суверенитета. Большинство отечественных специалистов, выступавших там, критикуют популярную на Западе концепцию ограничения национального суверенитета и, в общем, верно говорят о том, что когда государства объединяются в некий союз, то они передают в многонациональную структуру не часть суверенитета, а полномочия. Суверенитет при этом сохраняется.

Однако надо все-таки понять, что происходит с национальным суверенитетом, как меняется его природа. Если какие-то полномочия передаются наверх, в многонациональный орган, то природа национального государственного суверенитета не остается прежней. Нужна новая концепция суверенитета, которая бы адекватно описывала эти реалии, и поскольку такой концепции нет, ее надо разрабатывать. Думаю, что в ее основу может быть положена идея объединенных суверенитетов, высказанная в ряде работ председателя Конституционного Суда РФ Валерия Дмитриевича Зорькина. Чтобы пояснить ее суть, я должна обратить внимание на один тонкий момент.

Впервые эта идея была сформулирована в его статье «Апология Вестфальской системы». В сущности, идея объединенных суверенитетов ориентирована не на Вестфальскую систему, от этой модели взято лишь признание государственного суверенитета, несущая конструкция международного правопорядка. На самом деле эта идея ориентируется на кантовский проект Всемирного Союза Суверенных Республик — такого образования, в котором, как говорил Кант, каждое, даже самое маленькое государство могло бы рассчитывать на свою безопасность и соблюдение прав не за счет собственных сил, а благодаря этому великому союзу народов, его объединенной мощи. Такой подход, писал Нерсисянц, означает ограничение не суверенитета государств, а произвола сильных и переход от прежнего силового суверенитета к правовому, в рамках которого обеспечивается признание прав человека, малых наций и т. д.

Вестфальская же система, напротив, основана на силовой концепции ограничения суверенитета. Это хорошо видно на примере ялтинско-потсдамской версии этой системы, когда за равноправными, казалось бы, договорами в рамках международного права скрывалось то, что вся система глобального порядка держалась на паритете экономических и военных сил двух сверхдержав, а в конечном счете — на ядерном пари-

тете. Реальным, то есть полным суверенитетом обладали только сверхдержавы, а суверенитет всех остальных стран в той или иной мере был ограничен.

Таким образом, две теоретические конструкции — объединенных суверенитетов и ограниченных суверенитетов — ориентированы на принципиально разные проекты глобального мироустройства, которые в общем виде можно обозначить как правовой и силовой. Если правовой, условно говоря, кантовский проект — это светлое будущее человечества на отдаленную перспективу, то силовой проект глобального мироустройства — это то, что нам придется реализовать в ближайшее время. При этом перед нами два варианта: с одной стороны, однополярный мир, где доминирует одна держава, обладающая полным суверенитетом, а суверенитет остальных ограничен, с другой — многополярный мир с несколькими центрами силы. Думаю, что при построении суверенитета надо иметь в виду и стратегический ориентир глобального мирового развития, заданный модернизированным кантовским проектом, и более скромные возможности с точки зрения права, которые предоставляют нам современные реалии.

Разрабатывая современную национальную концепцию государственного суверенитета, важно опираться на богатую философско-правовую традицию осмысления этой темы. Обозначу несколько наиболее ярких и плодотворных, на мой взгляд, дискуссий по проблемам национального суверенитета, которые имели место в мировой философии права. Прежде всего это спор Гегеля с Кантом. Гегель, как известно, не принял кантовский проект вечного мира и считал, что суверенитет — это право государства, заслуженное в войне. Другая пара авторов, ближе к нашему времени, — Ганс Кельзен и Карл Шмидт. Консерватизм Шмидта сейчас становится очень востребованным, он помогает глубже понять целый ряд проблем нынешних глобальных отношений. Наконец, последняя группа (это уже наши современники) — классический европейский интеллектуал Юрген Хабермас и влиятельный американский философ Джон Роулс, которые спорят о доктрине гуманитарных интервенций или, как сейчас говорят, ответственности по защите. Нюансы их взглядов показывают полюсы разногласий в рамках евроатлантического пространства. Это очень интересно для понимания сути происходящих сейчас событий.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Валентина Викторовна, Вы относитесь к понятию «национальный суверенитет» как к сугубо юридическому или считаете, что это междисциплинарное понятие и, значит, им могут пользоваться социологи, философы, историки? Вы считаете, что моделей национального суверенитета столько же, сколько государств? Или это просто правовая фикция, а реально суверенных государств может быть в десятки раз меньше?

В. В. ЛАПАЕВА: — Я считаю, что это философско-правовая категория, и философия права может опираться на кантовские идеи, разрабатывая всемирную концепцию национального суверенитета, которая когда-то может быть востребована. Но сейчас каждое государ-

ство будет выстраивать эту концепцию с учетом своих национальных интересов. Я считаю, что это правильно. И нам тоже надо суметь сформировать такую концепцию, развить ее в философско-правовом, а потом в международно-правовом научном дискурсе, затем на дипломатическом уровне и т. д. Над этим надо работать. Я хотела сказать, что есть философская перспектива, но есть и национальные интересы. И в настоящее время нам нужна своя государственная концепция национального суверенитета, в которой будут учтены эти интересы.

России надо снова становиться полюсом биполярного мира, потому что ситуация очень опасная. Но для этого требуется стать сильной, то есть провести большую работу. Если Россия не сумеет стать таким полюсом, то нас ждут тяжелые времена.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Илье Львовичу Честнову.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Глобализация всегда сопровождается локализацией, в связи с этим английский социолог Роберт Робертсон даже придумал термин «локализация». А возможна в условиях глобализирующегося мира всеобщая, универсальная и одновременная содержательная конституция? Ведь Канта можно читать по-разному. Например, Юрген Хабермас в его работе «К вечному миру» увидел идею необходимости всемирной республики, правда, оговаривается он, без всемирного правительства. Такой интересный момент. Всемирная республика как союз суверенных субъектов — это тонкий вопрос. В чем проблема? Как пишет сам Хабермас, Кант страдал дальтонизмом и антиисторизмом и не принимал во внимание мультикультурализм, от которого сегодня невозможно отмахнуться. То есть можно не считать, что требуется законодательство, регулирующее культурную специфичность, но объективная реальность заключается в том, что мир состоит из многообразия культур. Это сложный вопрос, не имеющий решения в настоящее время.

И все же — возможна ли универсальная и при этом содержательная конституция? Кант утверждал, что да, возможна. Он полагал, что можно взять за основу американскую и французскую конституции и доработать их для международного сообщества. Юрген Хабермас, живущий в другое время в условиях, как он пишет, постметафизического мышления, считает, что такая конституция невозможна, и утверждает, что к конституции могут быть применены только процессуальные критерии. Это его знаменитая делиберативная теория, теория обсуждения. Это может быть отчасти близко к экономическому анализу права. То есть конституция — это не принцип устройства, а процедуры, с помощью которых вырабатываются содержательные принципы, позволяющие обсуждать различные вопросы и достигать консенсуса. Я бы назвал эту делиберативную теорию неклассической. Юрген Хабермас, последний из великих философов, наверное, с этим бы не согласился, хотя его термины «постметафизическое мышление» и «общество высокого модерна» дают основание для такого определения.

На мой взгляд, сегодня уже наступила другая эпоха, которая ближе к тому, что можно называть постнеклассикой (термин, введенный академиком Степным). С точки зрения постнеклассики высказываются некоторые сомнения по поводу универсальной процессуальной теории Юргена Хабермаса, которая, как ни странно, основывается на работах Роберта Алекси — известного немецкого юриста и теоретика права. Хабермас, цитируя Алекси, приводит его суждения, например, что каждый человек из общности (по-немецки *Öffentlichkeit*) может принять участие в обсуждении и должен быть услышан. Мнение любого человека должно быть донесено до некоего президиума. Побеждает та точка зрения, которая оказывается убедительной для большинства. Приблизительно к этому сводятся упомянутые процедуры. Но здесь возникают вопросы. Прежде всего: кто будет определять, какую точку зрения донести до президиума, а какую не надо? Но главное другое: как выявлять победителя? Какую точку зрения из конкурирующих следует считать правильной? Юрген Хабермас пишет, что победитель не должен быть известен заранее, он определяется в процессе делиберации. Тем не менее — кто будет определять победителя? И есть ли гарантия, что наиболее популярная точка зрения является единственно верной?

Одним из принципов постклассики является принцип неопределенности: единственно верной точки зрения быть не может, потому что любое социальное явление амбивалентно, имеет как плюсы, так и минусы, отдаленные последствия, которые сегодня невозможно просчитать. То, что сегодня представляется целесообразным и эффективным, обязательно будет таковым завтра. В этом смысле авторитетной является Копенгагенская школа международных отношений, отчасти имеющая отношение к международному праву. Утверждается, что угрозы невозможно просчитать объективно и точно, любое социальное явление потенциально опасно в той или иной степени. Определять это должна элита. Например, выбросы парниковых газов в атмосферу представляют экологическую угрозу или нет? Или террористическая опасность — какова ее вероятность в конкретной ситуации? В результате формируются разрешительные или запретительные законодательные акты. К сожалению, приходится констатировать, что универсальная содержательная конституция невозможна. Конституция может быть только формальная.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Илья Львович, Вы говорите, что Кант не мог предвидеть мультикультурализм. Но он жил в Священной Римской империи, включавшей 300 государств. Разве это не мультикультурализм?

И еще сейчас мне вспомнились строки Анны Ахматовой: «Как в прошлом грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет».

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Как ни странно, хотя до Канта уже были совершены великие географические открытия, в его время доминировала просветительская идея миссии белого человека. Есть абсолютный разум,

существует истина, которую первым открыл просветитель. Он должен просвещать правительство и т. д. Поэтому Кант говорил об универсальности, по крайней мере так утверждает Юрген Хабермас.

В. В. ТРОФИМОВ: — Уважаемый Илья Львович, как Вы считаете, глобализация предполагает межгосударственный либо какой-то иной межсубъектный диалог? Или сегодня это некий каток, который начал движение в Североатлантическом регионе, продолжает катиться по всей планете, и никакой диалог при этом неуместен, а просто постепенно охватывается все больше новых территорий?

И. А. ЧЕСТНОВ: — Диалог, несомненно, возможен, более того, перспективен. Но есть разница между должным и сущим. То, что должно быть, не обязательно есть. Но к этому надо стремиться, поэтому я за диалог, причем его границы могут быть достаточно сложно определяемы содержательно — от полного доверия до простого уважения к мнению другого. Это тоже можно рассматривать как диалог при отказе от агрессивного насилия.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Небольшая ремарка. Мы прослушали несколько докладов. Обратите внимание, что мы рассуждаем о глобализации, рассматривая с разных точек зрения реалии европейского континента. Я согласен, что этот процесс распространяется с северо-запада. Но давайте не забывать, что оттуда она продвигается на юго-восток, где живут народы с другой философией и собственными представлениями. Северо-западный ветер не ограничивается Уралом. Это тоже проблема, связанная с будущим развитием и выбором дальнейшего пути. Пожалуйста, Александр Сергеевич Запесоцкий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! Я очень рад, что здесь присутствуют не только выдающиеся юристы, но и незаурядные мыслители. Это хороший пример для наших студентов, которые делают первые шаги в юриспруденции. Шансы на профессиональный успех есть только у людей с чрезвычайно высоким личностным развитием, а тех, кто знает свою профессию как ремесло, ждет роль ассистента, чем бы вы ни занимались.

Проблема, которую мы обсуждаем, — национальное право в условиях глобализации — одна из самых острых в юридической повестке дня и во всей жизни России и ряда других стран. На днях мне довелось беседовать с лордом Мойнихеном, и он рассказал, что в британском парламенте сейчас ведется большая дискуссия на тему выхода из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека и ограничения судебного процесса национальной юрисдикцией. Мы связываем то, что происходит на юридическом небосклоне, с политической волей наших властей и их якобы нежеланием вписываться в общецивилизационные процессы. Но это, мягко говоря, не совсем правильно. Проблема гораздо более объемна и сложна. Мойнихен сказал, что парламент посвятит ее обсуждению много време-

ни, вероятно, более ста часов. Лично он, как лорд, будет выступать против, потому что если не соблюдать какие-то положения, то и другие страны сделают то же самое, произойдет разрыв правового пространства, ситуация в мире усложнится и т. д. Но лучшие юристы Англии — члены Консервативной партии — считают, что надо выходить из системы.

У России свои сложности в отношениях с Европейским судом по правам человека. Генри Маркович Резник выступает за то, чтобы оставаться под его юрисдикцией, но в среде его коллег на эту тему существуют серьезные разногласия. Право не изолировано не только от политики — оно не является изолированным от культуры. Вопрос о том, как национальные интересы и правовые традиции сочетаются с международным правом, очень важен. Мы понимаем, что глобализация будет продолжаться, хотя и в каких-то иных формах. Долгое время она представляла собой распространение влияния Запада на другие страны, и вдруг этот процесс забуксовал. Теперь все проходит иначе. Арабская глобализация не состоялась, потому что арабский мир сейчас активно разрушается при участии Запада. Но азиатская глобализация — это уже явление. Скоро мы увидим важнейшее событие в Азии: Индия договорится с Китаем.

На западный мир огромное впечатление произвел ряд аспектов визита китайского лидера в Москву на День Победы. И Керри не случайно вдруг приехал в Сочи. Идут очень серьезные процессы. Глобализация будет принимать иное измерение. При этом вопросы национального права будут становиться все более актуальными. Я не юрист и не могу сказать, надо ли нам оставаться под юрисдикцией ЕСПЧ, корректировать свою правовую систему соответственно правовой системе Запада. Но я убежден, что эта проблематика будет приобретать все больший масштаб, потому что в мире усиливается регионализация, возрастает роль национального аспекта. Четверть века назад мы и не предполагали подобного хода событий, как не могли и представить, что вновь начнет возрастать интерес людей к религии. Может показаться даже, что в мире что-то идет вспять.

Ученые нашего Университета рассматривают право как очень важную, но лишь относительно самостоятельную подсистему культуры — мировой, национальной, региональной и др. Научно-практическое осмысление правовых проблем возможно только в контексте культурного развития, потому что право, как и экономика, не существует отдельно от культуры. Сегодня мы переосмысливаем тезис Маркса о том, что экономика является базисом, а культура — надстройкой. Считаю, что в Советском Союзе учение Маркса трактовалось не вполне правильно. В связи с этим хочу сказать, что юриспруденция не является «сервисной» структурой относительно экономики и общественных отношений. Право — неотъемлемая часть культуры. И все эти взаимосвязи нам еще предстоит выявить и исследовать. Мы сегодня должны понимать, что, несмотря на всю мощь системы массовых коммуникаций, историческая память народов не стирается. Она живет в нас на уровне инстинктов, бытового поведения, генетической памяти

о поведении наших предков, социальных и этнических групп. И чем больше юриспруденция будет включать эти факторы в поле своего внимания, тем скорее в России наступит торжество права, чего мы все желаем.

Еще раз благодарю вас за участие и желаю вам успехов.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, на пленарном заседании активно обсуждался вопрос, что сейчас представляет нация. В выступлении академика Гусейнова прозвучало несколько важных положений. С какими-то можно безусловно согласиться, другие являются дискуссионными. Первое положение: нация — явление постсословного мира, то есть возникает тогда, когда исчезает сословная стратификация общества. Нация является продуктом демократического развития — с этим я, например, не согласен, потому что считаю, что национальное государство при тоталитарном режиме гораздо более сплоченное и единое, нежели в условиях демократии. Нация является продуктом духовного развития и политического единства. И очень важный момент, затронутый академиком Гусейновым, — нация не есть конец истории. Соответственно мы говорим о том, что за пониманием национального государства, национального права существует еще какой-то элемент общественной организации.

Вчера мы также много говорили о животрепещущей проблеме Украины. Интересно, что при этом мы забыли о конфликте Россия–Грузия. Когда наступает ухудшение, происходит стирание определенной конфликтности. Так вот, как мне представляется, нация — это народ, имеющий свою государственность. При подобном понимании мы можем говорить о том, что применительно к России нужно четко определиться. Россия в своей новой истории пережила три цикла развития национального государства. Это Российская империя, в основу которой были положены идеи иерархии и русского православного государства. В Российской империи существует деление на русских и инородцев, принадлежность определяется конфессией: русский — носитель православной веры. На смену национальной идее, выраженной в национальном праве империи, приходят советское государство и советское право, идею иерархии сменяет идея уравниловки. И если французская Декларация прав человека и гражданина касалась исключительно мужчин, то в России женщина получила гражданские права только после социалистической революции, а до этого, в сущности, ее жизнь определял домострой. Новая конституция основной ценностью провозгласила права и свободы граждан, в том числе детей. Таким образом, на смену русскому православному праву приходит советское. Русский и советский — два разных типа людей. Великую Отечественную войну выиграли не русские, а советские люди.

В настоящий момент идея национального государства и национального права в России переживает переходный этап. Еще раз соглашусь, что нация не есть

конец истории, однако дать характеристику современному национальному праву лично мне представляется в достаточной степени затруднительным. Это, безусловно, не русское право, и президент Путин в своем выступлении на Валдае сказал, что мы не собираемся возвращаться к консервативной монархии. Но мы также не намерены ни строить либеральное государство западного типа, ни возвращаться к советской системе. С учетом всего этого каким является национальное право России в мировом контексте, в соотношении с правом международного сообщества? Таким мне представляется весьма сложный вопрос, ответ на который даст дальнейшее развитие ситуации.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Верно ли я понял, что Вы практически не видите наличия неких общих национально-правовых традиций?

Р. А. РОМАШОВ: — Для России?

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Да. Или Вы признаете, что есть такое понятие, как российские правовые традиции? Мне кажется, что отрицать это понятие — все равно что отрицать нашу идентичность.

Р. А. РОМАШОВ: — Я считаю, что национальной российской традиции не существует. Мы говорим о том, что формальная конструкция «многонациональный российский народ» повторяет формальную конструкцию «многонациональный советский народ». И мы сейчас видим, что ни о какой устойчивой советской традиции речи не идет. Вчера на пленарном заседании упоминали об ошибке Солженицына и Лихачева, которые утверждали, что может рушиться все, кроме устойчивого единства народов, которые образовывали Россию. В Российской империи социогеографической основой русской традиции была структурная часть, именуемая «Европейская Россия». Европейская Россия не как субъект, но как составная часть Российской империи. В Советском Союзе таким условным хранителем национальной русской традиции являлась Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, но формально РСФСР была равна другим союзным республикам.

В настоящий момент в России нет ничего такого, что могло бы стать основой русской идеи, потому что мы имеем национальные субъекты, которые являются основами национальной идеи. На съезде Союза ректоров ректор Северо-Кавказского федерального университета говорил: «При позиционировании граждан России, представителей многонационального российского народа, первое, с чем происходит идентификация, — национальность. Второе — религия. Третье — регион проживания». О том, что они представители единого многонационального народа, вспоминают при помощи подкасок, это пятая-шестая позиция. Но ректор СКФУ говорит, что есть хорошая тенденция, потому что еще несколько лет самоидентификация человека как представителя великого российского народа стояла где-то на восьмом месте. Так что, если мы сейчас говорим о реальной традиции, то духовного единства народа

именно как российского сейчас нет, хотя должно быть, потому что это вопрос существования России как государства и как нации.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Сергею Александровичу Комарову.

С. А. КОМАРОВ: — Роман Анатольевич, а как же быть с той идеей, что Россия — многонациональное государство? Если Вы часто ездите, например, в Финляндию, то знаете, что независимо от того, какой национальности человек — казах, киргиз или таджик, — если он говорит на русском языке, то его воспринимают там как русского. Этим все сказано.

Я хочу поблагодарить организаторов за то, что пригласили здесь выступить. Я 18 лет не был в этом вузе и могу с уверенностью сказать, что с тех пор, как я поставил подпись под аттестацией Университета профсоюзов, очень многое изменилось. Самое интересное то, что стало больше фотографий. Это хорошее культурологическое воздействие на сознание студентов и в какой-то мере — формирование правового сознания.

Если говорить о проблеме, которую мы сегодня обсуждаем, я бы начал с того, что не согласился бы с Генри Марковичем Резником в том, что он вчера ушел от обсуждения одной очень важной проблемы. Он сказал, что мы должны соблюдать международные договоры. Если взять Конституцию и посмотреть ч. 4, ст. 15, то там четко говорится о международных договорах Российской Федерации. Мы, юристы, это прекрасно понимаем. Если мы участники этого международного договора, значит, можем и имеем право его соблюдать и т. д. Но в то же время кто мешает нам выйти из этого международного договора? Я в свое время слушал лекции известного российского юриста Григория Ивановича Тункина в Московском государственном университете. Он говорил так: «Запомните, что международное право и нормы, составляющие его, — это результат согласования воли государств, которые их принимают». Поэтому, если мы с ними согласны, мы их подписали, ратифицировали, то обязательно должны соблюдать. Но мы можем и отказаться от этого международного договора, если он противоречит нашим национальным или многонациональным интересам.

Если я правильно понял, то здесь прозвучало, что в мире только одно сильное суверенное государство — Соединенные Штаты Америки. Я не согласен с этим утверждением. Я говорю студентам первого курса: «Ребята, суверенитет — это признак государственности. Если у государства нет этого признака, значит, нет и государства». Каждое государство суверенно. Вопрос в том, как оно обеспечивает этот суверенитет — с помощью создания особых союзов или принятия соответствующих соглашений и пр. Это уже другой разговор. Российская Федерация принятием 30 марта 1998 года Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» добровольно возложила на себя обязанности по их соблюдению. По этому вопросу мы написали монографию, которая вышла у нас в прошлом году. Она

называется «Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации».

Недавно моя аспирантка защищала диссертацию. Ей задавали много вопросов именно по поводу решений Европейского суда. В частности был задан вопрос: «Как органы местного самоуправления должны учитывать решения и вообще позиции и нормы конвенции Европейского суда? Это же сельские поселения, для которых федеральные и региональные законы — что-то за пределами, не говоря уж о решениях международных судов». Пришлось говорить о том, что у нас вообще-то информационное общество, компьютеры есть везде, даже в самом захудалом сельском совете. И руководитель этого органа местного самоуправления обязан следить, если чего-то не знает — выйти на сайт. Идея очень простая: эти сайты на английском, французском и других языках Организации Объединенных Наций, а на русском нет. Моя аспирантка предложила: надо сделать русскоязычный сайт, чтобы обеспечить доступность этих идей для наших граждан и органов местного самоуправления.

За последнее время в рамках Совета Европы разработано более 170 многосторонних конвенций, соглашений, протоколов, что равно в принципе 100 тыс. двусторонних соглашений. Цифра очень большая. Возникает вопрос: как это отследить, отмониторить, определить, что нам нужно, а что нет? Просто механически перенести это на свою почву, думаю, было бы нерационально. Поэтому здесь нужно учитывать, что это обоюдный процесс. С одной стороны, мы, так сказать, присоединяемся к нормам международного права, включаем их в свою правовую систему, но с другой — разве наше национальное право не может оказывать влияние на соответствующие нормы международного права? Может и должно. В этом как раз и есть обоюдность. Это, так сказать, улица с двусторонним движением. Поэтому не только проникновение норм права международного уровня в правовые системы отдельных стран, но и обратное влияние национальных правовых систем на процессы подготовки к последующему действию норм международного права — общепризнанный принцип международного права.

Я хочу объяснить, что собой представляет правовая инфильтрация. Я автор этого термина, и меня ругают, зачем нам нужны новые термины и т. д. Я сошлюсь на имеющиеся термины, и международники, думаю, со мной согласятся. У нас есть и имплементация, и трансформация, и инкорпорация, и отсылка, и адаптация, и рецепция. А инфильтрация как раз тем и характерна, что отбирает, выбирает то, что нам нужно, что соответствует нашим интересам. В зависимости от этого мы в той или иной форме можем эти нормы учитывать. Поэтому здесь нужно вести речь об экстрагировании правовой нормы, причем нормы в целом или только ее части. Но при этом, с моей точки зрения, обязательно должны соблюдаться определенные условия. Во-первых, эти нормы должны соответствовать нашей Конституции, которая закрепляет наши интересы. Во-вторых, согласие должно быть явно выражено, то есть должен быть принят нормативный правовой акт, соот-

ветствующий нашим национальным процедурам правотворчества. В-третьих, должен быть составлен специальный ратификационный акт, которым мы признаем, одобряем, обязуемся и т. д. И последнее: не должны быть включены нормы, которые противоречили бы нашей Конституции, конституционно-федеральным, федеральным законам и т. д.

Поэтому мы обязательно должны учитывать те позиции и ту практику, которая есть у того же Европейского суда, или положения конвенции. Но в то же время возьмите правовые системы. Они же разные. Европейский суд тоже создает прецеденты. Я не буду на этом останавливаться. Относительно нашей правовой системы моя позиция очень простая: должно быть руководящее разъяснение Пленума Верховного Суда; решение, постановление, определение Конституционного Суда. Проблема, которая очень интересна для теоретиков, особенно для правоприменителей, — аналогия закона, аналогия права. Какое право должно действовать? Какие принципы и в какой степени должны применяться в нашем законодательстве — только ли принципы нашего национального права или международного права тоже? В третьем номере «Юридической мысли» мы поместили статью, в которой высказали хорошую идею. Мы решили эту проблему выставить на всеобщее обозрение. Выложили ее на сайте нашего института для того, чтобы можно было с ней ознакомиться.

В заключение отмечу, что проблему соотношения международного и национального права нужно рассматривать с точки зрения того, что есть общее — это нормы международного права как результат согласования воли и интересов самых разных государств; особенное — это правовые системы, существующие на территории земного шара; единичное — это конкретное национальное право соответствующего государства. Ну и, как говорил Андрей Иванович Денисов, мой научный руководитель, есть еще и уникальное — это то, что присуще тому или иному конкретному явлению, например, законодательство соответствующего субъекта Российской Федерации, если это федеративное государство.

Е. А. ПЕТРОВА: — Сергей Александрович, Вы неоднократно упоминали международные договоры, обязательность их применения для Российской Федерации и необходимость того, чтобы Россия как-то выразила свое согласие на это. Но ведь нормы международного права могут содержаться и в международных обычаях. Как, по Вашему мнению, в этом случае учитывать эти нормы и вводить их в нашу правовую систему?

С. А. КОМАРОВ: — Думаю, очень просто. Одним из условий действия той или иной нормы должен быть соответствующий акт, который мы принимаем в установленном порядке. Если в основе лежит международный правовой договор — пожалуйста, но только если мы его включаем и делаем обязательным для себя.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — В любом случае без воли государства, без согласования с властями

мы не можем обойтись. Слово предоставляется Владимиру Михайловичу Сырых.

В. М. СЫРЫХ: — Начну с некоторых общих положений о значимости данной конференции в системе российской науки. Международные Лихачевские чтения проходят ежегодно и всегда представляют собой заметное событие в жизни науки Российской Федерации и даже за рубежом. Могу назвать пять факторов, которые позволяют так оценивать работу конференции. Первое: на форум собирается довольно сильный состав участников, если не ошибаюсь, 15 академиков и членов-корреспондентов, а также зарубежные гости из разных стран. И это очень хорошо, потому что, как правило, конференции проходят в узком составе, в российском сообществе, и мы всегда замыкаемся друг на друге, а тут довольно большой состав зарубежных авторов, которые мыслят оригинально, интересно. Второе: конференция является комплексной и объединяет представителей почти всех гуманитарных наук — философии, экономики, политологии, юриспруденции, социологии и т. д. Здесь как раз говорили, что право имеет комплексное действие, и следовательно, собраться вместе, поговорить на какую-то актуальную тему — это тоже здорово и имеет место на данном форуме.

Третье: эта конференция характеризуется тем, что ее талантливый модератор Александр Сергеевич Запесоцкий действительно болеет за нее, он ее готовит, блестяще ведет, делает хорошие ремарки. Я думаю, что участие Александра Сергеевича — это большое явление и одна из твердых гарантий того, что конференция состоится на должном научном уровне. Эта конференция обладает высоким уровнем организации: здесь встречаются, размещают, кормят, распределяют. Я сам провожу конференции и знаю, насколько это сложно. Но здесь всегда, как правило, все на самом высоком уровне.

Четвертое: высокая значимость конференции заключается еще и в том, что она определяет специалиста, который внес достойный вклад в российскую культуру, объявляет его Почетным доктором и устанавливает ему бюст на аллее славы. Это единственный вуз, который проводит подобную работу. А действительно, человеку, который сделал большой вклад в науку, очень важно получить в какой-то степени общественное признание при жизни. И наконец, последнее, что очень важно: эта конференция проводится за счет Университета. Я считаю, что эти пять качеств делают форум уникальным. И когда я получаю приглашение, то всегда с удовольствием приезжаю, зная, что здесь будет интересно.

Сегодня у нас в качестве ключевой рассматривается категория «национальный интерес». Я полагаю, что она отражает в лучшем случае вчерашний день, потому что ни одно государство, даже самое развитое типа Германии и Франции, сейчас уже не имеет единой национальности, всегда присущ определенный состав, наполнение людьми других национальностей, другого этноса. Поэтому говорить о том, что наше государ-

ство пытается выразить национальный интерес, нельзя. Фактически все, кто выступал вчера и сегодня, под национальным интересом понимали всего лишь интерес общества в целом, то есть социальный, общественный интерес. Но для нас этот общественный интерес связан с государством, поэтому мы получаем публичный интерес. Фактически сегодня важнейшая категория — это публичный интерес. Общество и государство вместе работают на публичный интерес.

Публичный интерес имеет две формы — теоретическую и практическую. Теоретическая форма выражается в том, что каждое государство, каждое общество, располагая определенным уровнем культуры, развития экономики, должно решать свои жизненные проблемы, двигаться вперед по пути прогрессивного развития в сфере экономики, культуры, политики, обеспечения прав и свобод человека. И каждое общество имеет определенный оптимальный теоретический уровень. Но чтобы этот уровень понять, необходимо вмешательство науки. То есть главная задача представителей науки, которые присутствуют на конференциях, — выявление публичного теоретического интереса. Но выявление — это одно дело, а другое: все-таки государство и политические партии формируют свое представление о публичном интересе и пытаются его перевести из сферы науки в сферу практики.

И здесь эта сложная проблема фактически не была поставлена, потому что вчера все крутились только вокруг качеств, категорий высшего уровня. А на самом деле гвоздь проблемы лежит в том, чтобы государство и общество этот публичный интерес реализовывали. И здесь велика роль правовой науки. Но мне как юристу кажется, что правовая наука по-прежнему сохраняет лучшие или худшие традиции советской школы. Правовая наука по-прежнему заискивает перед властью, готова оправдывать любые положения Конституции, даже не совсем точные. Она готова оправдывать существующие законы, порядки. Мы сейчас по Конституции свободны, а разве это так? Мы со всем соглашаемся. А у нас должен быть, как говорил в свое время Пушкин: «Правдив и свободен их вещей язык / И с волей небесною дружен». Кто-то сказал: «В науке нет ничего определенного». Но позвольте, а как же все, что мы с вами делаем? Если мы не знаем ничего определенного, то как же мы получаем деньги, работая в качестве профессора, доктора, да еще и заслуженного? Получается, что мы обманываем общество. Дело в том, что наука всегда стремится к определенности и пытается раскрыть закономерное, необходимое. Иначе жить нельзя. Понятие правонарушения определено, понятие права более или менее определено. То есть какие-то базовые определенные понятия существуют, и есть движение вперед. В поиске виновного, конечно, много неопределенного. Но это не значит, что в целом наука сама по себе является неопределенностью.

Вообще сегодняшний уровень правовой науки намного снижен за счет того, что субъективизм самого, как говорится, махрового толка ставим во главе достижений правовой науки. У нас наука неопределенная, субъективная, у нас применяется синергетика — это высший метод познания права и пр. Я считаю, спустя

какое-то время мы все равно вернемся к той парадигме, материализму, который должен являться синонимом науки.

И наконец, последнее, что необходимо отметить. Возникла такая ситуация: у нас в правовой науке церковь стала, извините, прогрессивным элементом, теперь без нее нельзя ни мораль утвердить, ни мысль высказать и т. д. Как это можно? Церковь всегда являлась синонимом определенного понимания, мировоззрения людей, но религия и наука — это антиподы, которые базируются на совершенно разных основаниях. И вдруг у нас сейчас православие стало чуть ли не главным, так сказать, цербером теории государства и права. Я категорически против этого.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Предоставляю слово Александре Андреевне Дорской.

А. А. ДОРСКАЯ: — Когда я узнала название нашей секции, то хотела поговорить о совершенно конкретном сюжете: каким образом национальное право может развиваться в условиях глобализации на примере такой правовой категории, как свобода совести. Здесь хотелось бы сказать несколько слов с точки зрения развития этого понятия. Свобода совести — понятие XVIII века. Первым очень четко его сформулировал предшественник французского Просвещения Пьер Бейль. Эта категория начинает развиваться, конечно, в рамках Просвещения, относится к естественным правам человека, и все, что мы видим дальше, — это ее закрепление в национальных законодательствах. Механизмом осуществления свободы совести, для которой была разработана юридическая конструкция «свобода вероисповедания + право на атеизм», становится светское государство. Понятие «светское государство» возникло гораздо позже — во второй половине XIX века, но сразу стало механизмом осуществления. Если говорить о свободе совести как категории международного права, то она использовалась в XIX веке, но международники всегда говорили, что никаких проблем со свободой совести нет, потому что в древних договорах о мореплавании, о торговых делах всегда были какие-то пункты, касающиеся веротерпимости.

Свобода совести как самостоятельная категория становится предметом обсуждения в рамках международного права при создании Всеобщей декларации прав человека 1948 года, и, как известно, сразу возникают противоречия между представителями мусульманских и других государств. Как раз Всеобщая декларация стала первым документом, который начал размывать сложившуюся юридическую конструкцию, потому что в ней были закреплены свободомыслие, свобода совести и религии. И стало не совсем понятно, что же относится к свободе совести, потому что ей уже стала отводиться роль атеистической составляющей. Последующие документы продолжили данную тенденцию. Ну и, конечно, в данном контексте нельзя не упомянуть Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года, в которой свобода совести фактически была приравнена к свободе вероисповедания.

Что происходит дальше? Начинается глобализационный процесс. И здесь необходимо сказать о следующих новых явлениях. Я сошлюсь на Юргена Хабермаса, который в 2001 году в своем выступлении при вручении одной из премий сказал о том, что исторические христианские государства, всевозможные международные образования смогут разобраться в себе и понять мусульманский мир, если начнут по-новому относиться к этой проблеме. Религиозные организации становятся важнейшим элементом гражданского общества, занимают очень активную позицию — сегодня в международных отношениях это один из важнейших акторов. Получается, что глобализация при всех своих, безусловно, позитивных моментах имеет и отрицательные стороны, а именно — рост национализма, сектанства, в чем-то нетерпимости и т. д.

Ну и хотелось бы отметить, что для меня показательным стал ноябрь 2014 года, когда был принят модельный закон СНГ о свободе совести. Он начинается с того, что раскрывает все понятия. И что же мы читаем? Свобода совести — это основополагающее, неотъемлемое право человека на свободный мировоззренческий выбор, не влекущий за собой ограничений в других гражданских правах и свободах или их утрату. То есть, собственно говоря, юридическую конструкцию, которая складывалась в рамках международного права на протяжении трех веков, мы фактически потеряли.

Если говорить о России, как раз российская традиция состоит в том, что у нас свобода совести регулировалась абсолютно конкретно, точно. И на самом деле наши юристы потратили огромное количество времени, чтобы выработать некую нейтральную формулу, которая бы устраивала действительно всех в таком многонациональном, многоконфессиональном государстве. Причем, если мы говорим о российском законодательстве, то можно вспомнить, например, работу М. А. Рейснера «Государство и верующая личность», а также Указ о веротерпимости 1905 года. Эти документы стали основой для формирования советского законодательства. Причем хочется отметить, что поиск шел очень активно. Если, например, Конституция 1918 года говорила о свободе религиозной и антирелигиозной пропаганды, затем юристы поняли, что антирелигиозная пропаганда — это плохо, то в следующей Конституции появился термин «атеистическая пропаганда». На самом деле были достигнуты, на мой взгляд, большие успехи именно в разработке этой категории.

Ну и последнее. Именно глобализация все больше превращает свободу совести из индивидуальной в коллективную. То есть, если раньше любая юридическая формулировка гласила: «каждому гарантируется...», то сейчас, если мы смотрим на то, что происходит в национальных законодательствах, все больше речь идет именно о правах религиозных организаций, а не о правах верующих. Так что эта тенденция развивается у нас на глазах. Ну и закончить хотелось бы тем, что отказ от такого богатого 300-летнего опыта по развитию юридической науки — достаточно опасный путь. К деятельности международных организаций как уни-

версального, так и национального характера надо подходить с учетом успехов, достигнутых в национальных правовых системах.

Е. Н. ТОНКОВ: — В нашем национальном законодательстве, в частности в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, есть статья, где указано, что прокурор, судья, следователь, дознаватель основываются на законе и совести. Вопрос: на Ваш взгляд, какое содержание законодатель вкладывает в термин «свобода совести»?

А. А. ДОРСКАЯ: — В данном случае, естественно, речь идет опять же не о сложившейся конструкции свободы совести, о которой я говорила, потому что она связана с религиозно-атеистическими воззрениями, а о внутреннем убеждении.

Е. Н. ТОНКОВ: — Это убеждение основывается на совести. А что есть совесть?

А. А. ДОРСКАЯ: — Это понятие гораздо шире.

Е. Н. ТОНКОВ: — Александра Андреевна, скажите, пожалуйста, возможна ли глобализация, читай — унификация, в религиозной сфере? Если невозможна, то уместно ли вообще говорить о глобализации как некоем конечном результате развития?

А. А. ДОРСКАЯ: — Процесс глобализации, конечно, затронул религиозную сферу, потому что количество международных религиозных организаций резко растет, и самое главное, что они действительно начинают принимать очень серьезные документы, скажем так, международного характера. Конечно, речь идет о христианском смысле, о христианских религиозных организациях. То есть процесс, безусловно, продолжается. Если посмотреть уставные документы любых крупных религиозных организаций, например имеющих принадлежность к Русской православной церкви, там всегда есть глава о международных отношениях.

Е. Н. ТОНКОВ: — А что насчет унификации?

А. А. ДОРСКАЯ: — Унификация — сложный процесс. На самом деле есть и то, и другое. С одной стороны, мы понимаем, что само слово «религия» имеет значение связывания, но связывания людей-единоверцев. И в этом смысле глобализация невозможна. С другой стороны, в новых условиях, скажем так, поиск какой-то интеграции, безусловно, ведется.

А. Г. ЛИЩИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Уважаемые коллеги, у нас несколько раз возникал вопрос о том, что такое совесть, и о соотношении права и совести. Знаете, в Москве в нескольких театрах вновь был поставлен спектакль Островского «Горячее сердце». Я напому одну сцену, когда городской глава Серапион Мордарьич говорит купцам: «Как же мне вас, купцы, судить? По закону или по совести? Законов много, они строгие». Купцы падают в ноги и говорят: «Помилуй,

Серапион Мордарыч, за что же по закону? Суди, батюшка, по совести».

Далее слово предоставляется Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Уважаемые коллеги, мне очень приятно находиться в стенах этого вуза и принимать участие в столь масштабном научном форуме, посвященном различным гуманитарным аспектам, объединенным общим названием: «Современные глобальные вызовы и национальные интересы».

В своем выступлении я постараюсь сделать акценты на тех аспектах, которые мне представляются интересными и важными. Начну с того, что в науке или в дискурсе, связанном с обсуждением ряда проблем, есть вопросы, которые являются поистине глубокими, фундаментальными, настолько многогранными и многоаспектными, что их вынесение в качестве заглавий всегда вызывает определенный интерес и в то же время настороженность. Последняя обусловлена тем, как мы знаем, что многие проблемы уже неоднократно обсуждались, в том числе и проблема глобализации. Проходит немало конференций, посвященных данной теме, и всегда возникает определенное ощущение — а можно ли по этому поводу сказать что-то новое, чего не было сказано ранее. Но практика показывает, что каждый раз, когда выносятся на повестку такие проблемы, есть что обсуждать и о чем говорить, и наши заседания это неоднократно подтверждали. И вчерашнее пленарное заседание, и сегодняшнее секционное говорят о том, что в части правовых проблем есть о чем говорить и на что обращать внимание. Эти темы, которые становятся практически притчей во языцех, в каком-то смысле уже приобретают некую мифологическую содержательность. То есть спустя какое-то время мы можем рассказывать своим потомкам, что когда-то рассуждали, говорили о таких проблемах, как глобализация и т. п.

В рамках темы, которую я сформулировал и предложил вашему вниманию, фактически интегрированы или соединены три мифические проблемы. Первая проблема — глобализация, на чем я уже акцентировал внимание. Вторая — проблема инноваций. Мы о них очень много говорим, но в реальной жизни, может быть, не всегда замечаем, насколько наше инновационное развитие конструктивно и продуктивно. Третья проблема, уже ставшая фактически притчей во языцех, касается правовой политики; в науке и теории права она достаточно давно и плодотворно рассматривается. В науке она рассматривается, но мы не всегда ее замечаем в нашей реальной, практической правовой деятельности; есть ли она в правовой политике или нет — это тоже большой вопрос. Вот так, взяв на себя смелость, я объединил эти три мифологические проблемы в рамках одной темы, назвав свой доклад «Правовая политика России в сфере инноваций как способ реализации национального интереса и реагирования на глобальные экономические вызовы современности».

Думается, такая постановка вполне уместна, поскольку действительно, если мы говорим сегодня о каком-то движении вперед, то без инновационно-

го подхода, без обновления нашей экономики по всем аспектам именно в части технологического прорыва это невозможно. Мы признаем как факт, что инновационное развитие необходимо, но одновременно мы должны задать себе вопрос: а как оно возможно и что нужно для этого сделать? Безусловно, без юридического сопровождения ответить на вопрос, как это сделать, не представляется возможным. То есть ответ во многом скрывается в роли законодателя, субъекта творчества, правоприменителя и всех тех, кто наделен юридическими компетенциями. Но как это юридическое сопровождение можно осуществлять? Так, как оно осуществлялось у нас до сих пор: немножко хаотично, спорадически, спонтанно, вариативно, колебательно. И многие другие эпитеты можно применить к нашему юридическому сопровождению, а можно говорить о системном, научно обоснованном, последовательном, предсказуемом, ориентированном на позитивный результат подходе. А это уже формат правовой политики, которая, собственно, и содержит все эти ключевые компоненты.

В своей программной статье о наших экономических задачах Владимир Владимирович Путин высказал фразу, которая, наверное, может являться девизом сегодняшнего дня в условиях глобализации как мифа и как какой-то реальной практики. Хотя о глобализации мы сегодня говорим именно как о мифе. Ее в реальности практически нет. Нет полной экономической интеграции, единых экономических правил. Стандарты ВТО, которые принимаются и к которым присоединяется Россия, работают не в отношении всех, иногда нарушаются, а иногда принимаются внеправовые санкции, абсолютно неуместные в рамках единого подхода. Если говорить о духовной глобализации, то ее тоже нет. Александра Андреевна говорила по поводу религиозного компонента, но можем ли мы когда-нибудь прийти к единой точке зрения в плане религиозных воззрений? Наверное, это просто утопическая идея. Мы можем употребить сегодня более уместный термин — «сближение» или в терминологии Питирима Сорокина — «конвергенция». То есть мы можем постепенно сближаться, выстраивать какой-то общий подход, искать общий знаменатель. Но говорить о глобализации в чистом виде как о некоем универсальном, едином мировом порядке, проводимом по всем параметрам, нельзя, это неосуществимо. А если осуществимо, то это будет что-то революционное в нашем мироздании. Наверное, мы этого особенно и не хотим, и не желаем, и к этому не стремимся. Сближение — да. Но, тем не менее, сегодня мы ставим проблему глобализации в качестве какого-то исходного компонента, тезиса. А без инновационного развития это невозможно.

Сама идея инновационного развития уже достаточно давно муссируется, если можно использовать такой термин. Это концепции, принятые с 1998 по 2010 год. Сегодня мы фактически живем и работаем по Стратегии развития науки и инноваций до 2015 года. В 2011 году была принята Стратегия инновационного развития до 2020 года. В общем, внимание уделяется. В последней стратегии говорится об экономических

вызовах, которые заставляют нас двигаться по этому пути. Ускоряется технологическое развитие. То есть наш единственный источник доходов и ресурсов в виде углеводородов в обозримом будущем в конечном счете может отойти на второй план, поскольку создаются новые технологии, появляются альтернативные источники и т. д. Для российской экономики это большая проблема, и сегодня уже надо задумываться об этом. Усиливается конкурентная борьба за рабочую силу, высокий интеллект, и туда, где условия более комфортны, будет перетекать этот высокий интеллектуальный потенциал. Мы можем остаться ни с чем, если будем двигаться по тому же сценарию, по которому двигались до сей поры. У нас возникнут иные социальные проблемы, у нас не будет хватать ресурсов для поддержания экономической стабильности и охвата нашей огромной территории. То есть эти проблемы видят, их имеют в виду, о них знают, но нужно двигаться по пути их решения.

В области правового сопровождения наиболее приемлемым является формат правовой политики. Сама категория разрабатывается достаточно давно, а применительно к инновационному развитию она может получить спецификацию. И ее главная цель — это создание правовых условий для реализации инновационной стратегии. Правовая политика может осуществляться в трех основных формах — правотворческой, правореализационной и правообучающей, — хотя в науке есть и другие известные категории. По этим направлениям нужно двигаться с учетом тех критериев, которые заложены в правовую политику. Цель ее — построение с помощью правовых средств эффективной системы как фактора экономического развития. Вообще в основе любой политики лежат идеи, а задача правовой политики — претворение идей в жизнь. Об этом писал еще дореволюционный правовед Петр Григорьевич Редкин: «Политика есть часть того всеобщего искусства, которое имеет дело с претворением идей в жизнь». Нужно задуматься над тем, как эти идеи претворяются в жизнь. Очень важно, что сами идеи по крайней мере озвучиваются, и сегодня государство готово продуцировать, создавать, формировать, формулировать эти идеи. В частности, это было высказано наиболее предметно и ясно в Послании президента, где было заявлено о четырех «И» и добавлено пятое «И», то есть интеллект. В известной программной статье Д. А. Медведева «Россия, вперед!» достаточно четко и ясно это было обозначено, как и в Послании 2009 года, которое можно считать инновационным документом.

При этом есть понимание, что именно законодатель способен эти вопросы решать. И мы к этому пониманию приходим. Нужно отметить, что на Западе пришли раньше, чем мы, хотя не намного. Специалистами и исследователями отмечается запоздание где-то на 20–30 лет. Примерно по этой хронологии мы и наблюдаем развитие событий. В Соединенных Штатах Америки уже в 1976 году был принят соответствующий закон, посвященный государственному воздействию на инновационную сферу. В 1980-м были приняты два закона, один из них целенаправленно ориентировал этот сектор на коммерциализацию, чего нам

сегодня не хватает. И очень важный документ недавно был принят в США — это национальный закон об инновациях. То же самое и в Европе: принимались законы в 1995, 1996, 2000 годах. У нас тоже есть подобные законодательные акты, к примеру, можно назвать закон «О науке и государственной научно-технической политике». В 2011 году в него были внесены определенные дополнения, которые ввели дополнительные понятия. Закон «О статусе наукограда Российской Федерации»; ч. 4 Гражданского кодекса РФ, известная сегодня уже достаточно хорошо, причем она отредактирована в прошлом году, и многие изменения вступили в силу с января 2015 года. Еще есть закон о малых инновационных предприятиях при вузах, который тоже претерпел изменения: вузам позволили самостоятельно передавать имущество, уставные фонды, капиталы со своих малых инновационных предприятий; законы об инновационном центре «Сколково»; о судебной системе и т. д.

Но это все пока шаги, а нужна целенаправленная системная деятельность с подключением правотворчества, правореализации и правообучения. Думается, что и студентам будет интересно слушать какие-то специальные курсы по проблемам инновационного права, подготовки патентных поверенных и т. д. Нужно поднимать эту систему с самого начала, может быть, даже с первых базовых курсов. А сегодня у нас в системе образования, в том числе и юридического, многие предметы просто сворачиваются, акцент на них не делается и т. д. Но если мы говорим об этих идеях, то нужно их реализовывать по всем направлениям. И правовая политика как сфера деятельности является в этом плане наиболее конструктивным способом решения данных вопросов.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Уважаемый Василий Владиславович, из Вашего доклада следует, что правовая политика, глобализация и инновации — это мифы. Объясните, пожалуйста, что для Вас есть миф и что есть право? Потому что логика для меня совершенно неожиданная.

В. В. ТРОФИМОВ: — Выбор стилистики в этом плане обусловлен скорее методом от противного, то есть здесь логический подход был проявлен. Надеюсь, он определенным образом подтолкнул, стимулировал дальнейшую логическую цепочку. Если я определяю названные явления как мифологические, то именно исходя из того, что в реальной жизни многие из них практически не реализуются. Именно это и позволяет говорить об этих явлениях как о неких преданиях, сказаниях, рассказах о чем-то, что, может, было, а может, не было. Но если посмотреть на это предметно, то можем ли мы сегодня говорить о полной глобализации? Нет, не можем. Можем ли мы говорить о том, что инновационное развитие у нас осуществляется? Думаю, тоже нет. Если мы будем утверждать, что это есть, то будем противоречить истине и практике реальной жизни. Наверное, этого делать не стоит. Поэтому пока мы заявляем об этих явлениях как о мифах, но чтобы они воплотились в реальную жизнь, нужны

определенные усилия. Собственно говоря, в этом и заключается суть проблемы.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Георгию Генриховичу Бернацкому.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Я бы хотел включиться в дискуссию, которая началась еще вчера на пленарном заседании, о возможности применения фундаментальных универсалий культуры или, выражаясь юридическим языком, общих принципов и норм международного права. В. С. Степин говорил о том, что есть техногенная цивилизация, как он ее называет, и в ней, конечно, присутствуют эти фундаментальные универсалии культуры. Сейчас они приходят в упадок, и мы стоим, возможно, на пороге новой цивилизации. А заместитель министра иностранных дел Г. М. Гагидов как раз выступал за многополярный мир, за то, что не должно быть единой системы ценностей в мире. Нельзя допускать того, чтобы одна сторона навязывала другим какие-то единые принципы, и многополярный мир — это наиболее удачная модель жизни. То есть глобализации и сведения всех стран к некоторой единой модели не должно быть. Уважаемый профессор И. Л. Честнов тоже выступает за то, что не может быть этих универсалий, единых общих содержательных принципов, единой Конституции в мире.

Честно говоря, я никак не могу согласиться с позицией Генри Резника. Как я понял, он утверждал, что общепризнанные принципы права есть, потому что они сформулированы в документах и записаны в Конституции. Раз они записаны в Конституции, значит, объективно существуют. А выводы какие? Если они не выполняются политиками и не проводятся в жизнь — тем хуже для народа. А принципы есть, потому что они записаны. Мне кажется, здесь смешиваются два понятия. Все-таки законы — вторичная сила, а первична культура. Законы как бы рождаются на основе существующих фундаментальных положений культуры, а пишутся часто из конъюнктурных, политических соображений. Так рождаются мертвые или противоречивые законы.

Но обратимся к проблемам глобализации. Я думаю, глобализация имеет позитивный смысл тогда, когда есть некий единый мировой центр, который является источником высоких ценностей, обладает высоконравственными принципами, сильной творческой энергией. С помощью этого можно решать самые сложные международные проблемы и таким образом сводить все многообразие мира к решению общих задач на уровне общих великих идеалов. Пожалуй, первый такой процесс глобализации в истории можно отнести к периоду Античности, когда древнегреческий народ создал и великую культуру, и философию, и искусство, и литературу, и науку. И потом эта культура стала распространяться на соседние страны. Возник эллинизм. А Великая Римская империя с помощью своих легионов просто привносила в разные территории, государства эту великую эллинскую культуру. Тенденция эллинизма носила в целом позитивный характер.

Далее примерно 400–500 лет назад Западная Европа создала свою великую культуру, науку, искусство и технику. И эта культура начала распространяться по всему миру и посредством войн, и посредством создания колоний. Соединенные Штаты Америки, грубо говоря, не создают свою культуру, а покупают уже готовую в Западной Европе и потом распространяют ее с помощью своей силы, могущества и экономических экспансий на другие территории, страны и народы. Можно сказать, что Европа долгое время являлась центром и источником высоких идеалов и принципов, на нее равнялись, именно в ней черпали подчас идеалы и представления о прекрасном и безобразном, о возвышенном и низменном.

Но я хотел бы поставить вопрос: а в настоящее время является ли западная цивилизация таким высоким центром, с которого можно брать пример или на который можно равняться? Папа Римский Франциск в прошлом году обратился к Европейскому парламенту с посланием, в котором осудил эгоизм, его невыносимое изобилие и безразличие европейского мира к остальным народам. Папа Римский говорил примерно так: такая Европа рискует потерять свою душу и дух гуманизма. С Европейским Союзом все чаще связывают представление о состарившейся, сжавшейся Европе, которая все меньше чувствует себя главным действующим лицом на мировой арене. И дальше Франциск заключил: на Европу смотрят все более с опаской и даже подозрительно. Года три назад в Лондоне проходили массовые погромы: молодежь крушила магазины, жгла машины, убивала мирных жителей. Причем в беспорядках участвовали и эмигранты, и представители местного населения, и богатые, и бедные. Погромы происходили без лозунгов, без идеологии, без каких-либо, так сказать, идеологических установок.

Правительство Кэмерона жестко пресекло эти погромы. Выступая перед парламентом, премьер-министр сказал примерно так: «Выросло поколение, которое не испытывает радости от работы и не считает ее жизненной потребностью. Это поколение бездельников, это просто хулиганы, головорезы и отребье. В стране начала торжествовать бандитская культура. Страна скатывается к моральной деградации: эгоизм родителей, дети без отцов, школы без дисциплины, свобода без ответственности». К этому можно добавить, что это поколение — по определению Кэмерона, отребье — начинает приходить во взрослую жизнь и политику. И там оно с восторгом принимает и фашизм, и гомосексуализм. Вообще возникает ситуация отрицания тех фундаментальных ценностей, на которых стояла Европа тысячи лет. Другие страны мира смотрят на нее и думают: а стоит ли идти по тому пути и следовать тем примерам, которые демонстрирует нам Европа?

А что может быть дальше, что ожидает нас в будущем? Я хотел бы обратиться здесь к философам, например к Гегелю. Он полагал, что прогресс в обществе возможен и происходит по интересной модели. Сначала одна страна идет впереди, потом другая, затем третья. Происходит что-то вроде бега с эстафетной палочкой, когда на соревнованиях сначала один бегун

впереди всех, а когда он выдыхается, то передает палочку другому бегуну, потом третьему. Так и со странами — то одна страна впереди, то другая, то третья, потому что силы не беспредельны у той или иной страны или цивилизации. Если использовать модель Гегеля, то, видимо, можно считать, что техногенная цивилизация, в общем, выдыхается. И академик В. С. Степин вчера говорил, что те принципы или универсалии, которые заложены в цивилизации, приходят к своему отрицанию. Тогда жить в техногенной культуре становится опасно, и с точки зрения экологии, и с точки зрения военной угрозы и т. д. Видимо, что-то должно прийти на смену этой цивилизации.

Что это может быть? Я выскажу гипотезу, что мы находимся на такой стадии развития, которая аналогична периоду падения Рима и христианизации Европы. Я напому, что граждане Рима в период упадка нравственно деградировали, разложились, превратились, я бы сказал в терминологии Кэмерона, в отребье. А когда подавляющее большинство населения превращается в отребье, то все становится бессмысленным — не нужны ни наука, ни искусство, ни литература. Отребье нельзя учить, с ним нельзя иметь дело, что-то строить. Ему ничего не надо. И ведь когда начался процесс христианизации Европы, церковь не занималась развитием литературы, науки или техники, она вообще не смотрела вовне и на внешние достижения, а занималась душой человека, то есть формированием новой личности, нового человека. Я проведу аналогию с компьютерами. На компьютере, в который заложена операционная система DOS, серьезных задач решать нельзя, надо загрузить программу Windows, то есть иную, мощную операционную систему, чтобы можно было это делать. Так потребовалось перепрограммировать или перепрограммировать человека, создать человека с новыми ценностями, с новыми взглядами на жизнь. Это старое отребье должно было уйти, потому что дальше в развитии цивилизации и общества двигаться было нельзя.

Сегодняшняя техногенная цивилизация формирует человека. Сам В. С. Степин признает, что человек современной техногенной цивилизации — это умный, активный, творческий, хитрый, рациональный, агрессивный, конкурирующий с другими эгоист. Но это уже, простите, получается Иван Карамазов, для которого Бога нет. А если Бога нет, то все можно. Есть мои личные интересы, а значит, можно и убить любого ради их достижения. Что может прийти на смену такой личности и такой цивилизации? Ну да, может возникнуть новая цивилизация, как сказал Степин — договаривающаяся. Но, видимо, это должен быть уже не Запад со своей личностью, а какой-то другой народ, другая цивилизация с иным подходом к пониманию отношений между людьми. Во всяком случае, это новый человек, который не должен быть рациональным, творческим, агрессивным эгоистом.

В. А. КОВАЛЕВ, заместитель заведующего кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук: — Мне вспоминается пример так называемого интернацио-

нального стиля бронзового века. Дело в том, что там происходил обмен. Сохраняя своеобразие, цивилизации свободно обменивались привычками, мифами, элементами культуры. Как Вы считаете, возможна ли такая форма глобализации и насколько понятие глобализации соотносится с понятием унификации?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Само слово «глобализация» предполагает, конечно, объединение на общих принципах — экономических, социальных, религиозных, правовых и т. д. Глобализация означает создание единого мира. Если вы имеете в виду обмен, то он был и в Античности. Но обмен всегда происходил между различными территориями. Поэтому обмен или сотрудничество — это не глобализация. Тогда надо говорить о другом понятии. Я не считаю, что обмен — это глобализация, потому что глобализация — это в конечном счете и главным образом унификация.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Георгий Генрихович, я хочу Вас вернуть к теме нашей дискуссии, чтобы задать несколько провокационный вопрос. Профессор Ромашов в своем ответе говорил, что не признает наличия в нашем правовом лексиконе понятия «русские правовые традиции». Как Вы считаете, есть ли у нашей нации собственные правовые традиции? То есть мы вечно рецепирующая и ничего не воспроизводящая нация? И согласитесь ли Вы с тем, что есть советские правовые традиции?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Я категорически не согласен с Ромашовым. Когда мы говорим о национальных традициях, термин «нация» здесь понимается прежде всего как государство, нация как народ-государство, и у этого народа в этом государстве, которое существует тысячу лет, есть традиции. Я воспитан на диалектике и на том, что кроме особенного есть еще и общее. Я здесь за Степина и против того, что у нас не может быть универсалий. Он доказывает, что есть универсалии культуры, которые могут быть всеобщими, но могут быть и региональными. Они могут быть, так сказать, и в рамках всей огромной цивилизации, которая объединяет, скажем, несколько стран и народов, и в рамках отдельной страны. А Россия вообще самостоятельная цивилизация. Поэтому я глубоко убежден в том, что у нас есть свои традиции, свои универсалии, выработанные столетиями, тысячелетиями. Эти традиции нам надо просто выявлять и ценить.

Мы почему-то всегда думаем, что если у нас не так, как в Европе, в частности в Германии, значит, мы стоим на какой-то низкой ступени и испытываем — эта вечная глупая дискуссия между западниками и славянофилами — некоторую неполноценность по этому поводу. Китайцы ведь не испытывают никаких комплексов, что у них не так, как в Соединенных Штатах Америки. Более того, если насадить в Китае принцип разделения властей, там все развалится. Так что, нам нужно в Соединенные Штаты доложить, что у нас принцип разделения властей, и потом развалить всю государственность? Или нам надо строить свою государственность? Что такое Америка? Страна, которой всего 200 лет.

А Россия существует тысячу лет. Разве мы за этот срок не создали своих многонациональных традиций? У нас никогда не было религиозных войн, разве это не традиции? В Европе были, а у нас нет. Я думаю, что нам есть чем гордиться и у нас есть, можно сказать, святые традиции, которые надо поддерживать и защищать.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Приведите, пожалуйста, хотя бы одну такую российскую правовую традицию. Проблема в том, о чем пишут социологи, — в атомизированности общества. Это свойство присуще не только западному, но и, к сожалению, нашему обществу.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Пожалуйста: сосуществование разных этносов, культур и религий. У нас совместно существуют разные религии и этносы и уже выработались традиции совместного проживания. Конфликты, конечно, случаются, но ведь и в семье они есть. Надо смотреть не на конфликты, а на тысячелетнюю историю, когда мы преодолевали все конфликты. Существование в рамках большого этноса не может проходить бесконфликтно, но это преодолевается совместным проживанием, толерантностью, терпимым отношением друг к другу. Тут господин Сырых выступал против религии, а ведь нас христианство учит терпению. Одна из великих ценностей — это терпение. Когда надо жить вместе, надо терпеть друг друга. Как китайский отец воспитывает своего ребенка, чтобы тот научился хорошо жить в семье? Надо 100 раз написать слово «терпение».

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Буквально два слова о традициях. Я сейчас не говорю, хорошие они или плохие. Особое внимание вплоть до, может быть, абсолютизации позитивизма в праве — это российская традиция. И следующий момент — вопросы, связанные с федеральным законодательством, с законодательством субъектов федерации. Возьмите свод законов Российской империи. Там указаны общие законы империи, тем не менее, разве мы не можем сказать о том, что на территории Российской империи существовало не только это регулирование, но еще и параллельное, национальное? Разве у нас этого сейчас нет в условиях Российской Федерации? Есть.

Далее слово предоставляется Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — Начну с реплики по поводу Кэмерона. По всей видимости, он плохо знает европейскую историю. Если бы знал, то вспомнил бы о таком персонаже, как Даниэль Кон-Бендит, который возглавлял выступление парижских студентов в 1968 году, а сейчас благополучно заседает в Европарламенте и является частью европейского истеблишмента. Я думаю, так же будет и с некоторыми представителями английской молодежи.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Там были лозунги, а тут нет.

К. Е. СИГАЛОВ: — Отсутствие лозунгов — это тоже лозунг. Теперь по поводу дискуссии между про-

фессорами В. М. Сырых и А. А. Дорской. Я более склонен все-таки придерживаться мнения профессора Дорской, потому что считаю, что религия — это не опиум для народа, не фантастическое отражение действительности в умах людей и не род духовной сивухи, как ее называл один известный классик. Это все-таки средство в простой и доступной форме объяснить человеку, что правильно, а что неправильно. И в этом смысле религиозно-правовые системы — иудаизм и исламское право — разделяют этот аспект. И что плохого в том, что каждый человек без указания сверху знает, что ему делать можно, а что нельзя? И в этом смысле, конечно, мы можем говорить о том, что через столкновения религий выражались первые глобализационные вызовы. Но они были обусловлены не какими-то внешними параметрами. Дело в том, что происхождение религии обусловлено наличием определенной производственной технологии, свойственной той или иной цивилизации — либо номадической, либо оседлой, связанной с сельским хозяйством. И это столкновение, конечно, было принципиальным в Средние века. К чему оно могло привести, все знают. Слава Богу, что произошло по-другому.

Западный мир, безусловно, создал серьезные интенции для того, чтобы возникло право. И многих вещей, заложенных в западном обществе, — хотя бы то же гражданское общество, проблемами которого я занимаюсь, — мы просто не замечаем. Думаю, все читали произведение Александра Дюма «Три мушкетера». Где танцевался Марлезонский балет? Все говорят: в Лувре. А на самом деле король попросил королеву надеть алмазные подвески, чтобы танцевать в Ратуше, куда их пригласили городские старшины. Это был 1627 год. Мы можем себе представить, что во времена Михаила Федоровича подобное происходило и у нас, на Руси. И мы видим, что с конфессиональной, национальной точки зрения Европа в то время представляла единство.

Не было мусульман, потому что они не хотели ехать в Европу, да и не пускали их особенно из мусульманского мира. Были, конечно, презренные с точки зрения европейского человека маргиналы западного мира — евреи, с которых в 10 раз больше спрашивали и которых в 10 раз меньше давали. Но это была совершенно другая история, связанная с прямым нарушением прав человека. И сколько пришлось бороться, в том числе и западным интеллектуалам, чтобы преодолеть этот негативный аспект! В это время как раз мусульманский мир давал прямо противоположные примеры, потому что иноверцы, иностранцы, женщины и рабы пользовались там гораздо большими правами, нежели в Европе. Конечно, мы можем по-разному воспринимать религиозный мир, религию и у каждого из нас есть свое представление о Всевышнем, но вычеркивать это из права невозможно, по моему разумению.

Право только тогда становится правом, когда оно проходит через личность и становится внутренним запросом каждого человека конкретно. И в этом смысле как раз западное право, которое было ориентировано изначально на обывателя, на маленького человека, на того, кто готов быть своекорыстным, жадным, глу-

пым. Но именно этот человек и борется за свои права. Именно когда это право завоевано — пускай в таких тяжелых условиях — оно становится правом. Да, впоследствии оно стало тем, с чем сейчас на Западе пытаются бороться, и тем, о чем говорит как раз Папа Франциск. Конечно, Запад дал много и хорошего, и плохого. И в связи с этим я бы хотел привести слова Хантингтона, что Запад завоевал мир не из-за превосходства мыслей, идей или религии, в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций, а скорее из-за применения организованного насилия. Жители Запада забывают этот факт, а жители не-Запада никогда этого не забудут. В данном случае я хочу сказать так: только от нас зависит, что хорошего мы можем взять из западного права, а от чего можем отказаться. Это наше право. Это, по всей видимости, еще один из аспектов того спора, который сейчас развернулся, о том, есть русская, российская правовая традиция или нет. Я думаю, что заимствование, имплементация — это как раз самая хорошая традиция: хорошее взять, а плохое отбросить.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Прошу выступить Елену Владимировну Тимошину.

Е. В. ТИМОШИНА: — Речь пойдет об идее глобального мирового порядка, как она формировалась в европейской правовой традиции. Главное, что необходимо было сделать, — это устранить суверена. Именно в таких терминах немецкий юрист Карл Шмитт говорит об основной тенденции в теории и философии права начала XX века. Но для того, чтобы эта идея глобального правоупорядка сформировалась, необходимо было устранить суверена и релятивизировать классическое понятие государства и такого его существенного признака, как суверенитет, и на этой основе обосновать правовой характер международного права. Известно, что понятие суверена, которое было базовым для классического юридического позитивизма, являлось препятствием для обоснования правового характера международного права. Как известно, в остиновском определении права как приказа суверена обосновать правовой характер международного права не представлялось возможным, потому что отсутствовал признак его происхождения от суверена и сам международный суверен. И русский последователь работ Остина Шершеневич полагал, что попытка каким-то образом ограничить государство правом по сути равносильна попытке лилипутов связать Гулливера — так можно оценить попытку связать государство правовыми нитями.

На рубеже XIX–XX веков ситуация начинает меняться, и происходит, как я уже говорила, релятивизация понятия государственного суверенитета. Он начинает рассматриваться исключительно как исторический признак государства, свойственный такому типу государственного устройства, как абсолютная монархия. В итоге, как известно, расчистить путь к обоснованию международного права в рамках юридического позитивизма и устранить суверена удалось Гансу Кельзену, который считал главнейшим достижением своего учения то, что оно разрушает догму государственного

суверенитета. С его точки зрения, догма государственного суверенитета является орудием современного империализма и главным препятствием на пути осуществления замысла ученого о *civitas maxima* — всемирном государстве. Разумеется, после того, как место суверена заняла некая безличная основная норма международного права, оказалось возможным, так сказать, рассматривать международное право уже в качестве правового явления и в рамках юридического позитивизма. Соответственно и государство, с точки зрения Кельзена, никаким суверенитетом не обладает, а является лишь несuverенным органом международного правового сообщества.

И здесь я хотела бы обратить внимание на то, что идея глобального правоупорядка, очевидно, необходимым образом должна предполагать и механизмы своего осуществления в отношении тех государств, которые тем или иным образом оказывают сопротивление своему превращению в такой несuverенный орган международно-правового сообщества. И такой механизм, как мне кажется, был предложен в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета 2002 года, представленном в Генеральной Ассамблее ООН. В этом докладе была дана принципиально новая интерпретация государственного суверенитета. Там говорилось о том, что необходимо перейти от понимания суверенитета как власти к пониманию суверенитета как обязанности защищать права человека или как ответственности по защите прав человека. И таким образом, новое понимание суверенитета, как говорилось в тексте доклада, избавляет международное сообщество от трудного выбора, перед которым оно до недавнего времени стояло, — либо, уважая суверенитет государства, быть безучастным наблюдателем происходящих в нем нарушений прав человека, либо осуществлять так называемое право на вмешательство, тем самым нарушая суверенитет государства в глазах международного сообщества. А если государство рассматривается как неспособное выполнять эту обязанность, оно тем самым утрачивает суверенитет, чем оправдывается возможность военного вмешательства.

И надо сказать, что основные тезисы многостраничного доклада нашли свое подтверждение в других документах ООН, в том числе в докладе Генерального секретаря ООН. Более того, можно сказать о том, что известная резолюция Совета Безопасности ООН от 17 марта 2011 года, которая санкционировала введение бесполетной зоны над Ливией, непосредственным образом ссылалась на новую концепцию государственного суверенитета как обязанности государства по защите прав человека. И еще раз подчеркну: как только государство в глазах мирового сообщества перестает эту обязанность выполнять, это является оправданием для возможного военного вмешательства. То есть выполнение этой обязанности переходит к так называемому международному сообществу.

Думаю, что возможны следующие политико-правовые последствия. Применение этой новой нормы международного права (а она рассматривается именно так), на мой взгляд, монополизирует понимание суверенитета государства как его существенного и не-

обходимого признака, а не как принадлежности исключительно к какому-либо историческому типу государства, потому что именно этот признак — суверенитет — конституируется на международную правосубъектность государства, позволяет ему выступать в качестве субъекта международного права. Присвоение признака суверенитета не столько государственной власти, сколько государству в целом, и признание того, что источником суверенитета является народ, есть гарантия сохранения суверенитета государства даже при утрате национальными властями своей легитимности в глазах международного сообщества. Таким образом, такое понимание суверенитета, наверное, исключает превращение факта военного вмешательства в право военного вмешательства, или в право гуманитарной интервенции, или в это неудобное бремя ответственности по защите.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Елена Владимировна, когда Вы говорите об обеспечении прав человека, ради которого допустимо вмешательство, то речь идет об абстрактных, универсальных правах человека из философской традиции, либо же мы должны исходить из того, что права человека в разных регионах мира неодинаковы?

Е. В. ТИМОШИНА: — Идея прав человека может существовать только при признании их универсальности. А иначе какой смысл говорить об этом? Тогда мы будем говорить отдельно о правах русских, украинцев, жителей Африки.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Тогда я продолжу: если мы исходим из того, что это не универсальное право, как оно воспринимается в американских традициях, следовательно, у определенных, особо избранных наций, которые продвинулись далеко вперед, есть право бомбить другие нации.

Е. В. ТИМОШИНА: — Нет, отсюда это никак не следует.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Право на вмешательство применяется только тогда, когда государство не признает права человека.

Е. В. ТИМОШИНА: — Я не защищаю право на вмешательство, я говорю о том, каким образом оно обосновывается. И уж во всяком случае не даю этому положительной оценки, потому что при этом идеология прав человека используется как очень удобная ширма для осуществления такого вмешательства.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — А как Вы считаете, есть ли у народов с богатой историей право быть самими собой? Например, китайцы не хотят признавать европоцентристские ценности универсальными. Как быть в таком случае?

Е. В. ТИМОШИНА: — Право культуры на самобытность подвергнуть сомнению никто не может. Во-

прос в том, как понимаются права человека. Я считаю, что это прежде всего мера человечности в человеке, то, от чего нельзя отказаться, не перестав быть самим собой, не потеряв своего достоинства. Но это понимание прав человека не тождественно тому обширному каталогу разнообразных прав человека, который непрерывно пополняется. Если мы считаем права человека выражением потребности, то это абсолютно порочная логика, потому что потребности растут, значит, будет бесконечно расширяться перечень прав человека. А это тупик. И я думаю, что классические мыслители, писавшие о правах человека, все-таки не предполагали возможности отказа от них, таковыми в моем представлении являются, например, некие соматические права.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется адвокату Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Хочу обратить внимание на международное право, которое с точки зрения юридической и политической практики является мощнейшим интеграционным инструментом. Академик Лисицын-Светланов отметил, что право выполняет функцию приравнивания. Таким образом цивилизованный мир (вначале это была Срединная империя, потом Римская) подтягивал до своего уровня варваров. Международное право выступало как своеобразный глобализационный центр, втягивая в свою орбиту разные нации и народы.

Второй момент, на который я хотел бы обратить внимание, — международное право всегда было строго иерархия квазиравных. Мы приподняли варваров до нашего уровня, поэтому они должны перенять обычаи и правила, свойственные цивилизованным народам.

Третий момент — неравенство сохранялось достаточно долго. Только великие державы могли иметь послов, дальше все выстраивалось иерархически (некоторым странам было позволено иметь только советника-посланника и т. д.). США сломали эту традицию, когда стали своим латиноамериканским союзником для облегчения контроля за этой частью света предоставлять ранг послов. Возникла конкуренция (кто в этой иерархии поднимется выше), и соответственно все различия были нивелированы. Но иерархия осталась, она представлена в системе международных институтов (Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея ООН). Эта схема также четко прослеживается в международных организациях, занимающихся разработкой международных стандартов («взвешенные» голоса, квоты, инструментарий, комплектование органов, секретариатов). Фраза «Кадры решают всё!» здесь имеет буквальный смысл.

Перед Министерством иностранных дел стоит задача: его представители должны входить в различные рабочие группы. Если вы входите в группу, а решение уже подготовлено, то в лучшем случае вы сможете внести в него поправку, связанную с переводом на родной язык. Далее сработает механизм коллективной солидарности или ответственности.

Недавно появилось интеграционное право — своеобразный феномен, который сочетает в себе черты международного (в первую очередь Евросоюза) и национального права. В отличие от международных организаций, которых с каждым годом становится все больше, подобные структуры работают с делегированием компетенций в весьма узких специализированных областях: перед интеграционными проектами ставится другая задача — сближение национальных законодательств.

Пока реализован единственный подобный проект — Евросоюз, включающий 28 государств. Мы пытаемся использовать интеграционные механизмы, для того чтобы урегулировать отношения с ближайшими соседями. Отдельные акты имеют искусственное происхождение, например международное происхождение нормативного акта, имеющего внутреннее применение. Национальное право в данном случае вынуждено подчиняться международному, используя специальные механизмы, в частности пропорциональности и субсидиарности (согласно этому принципу европейского права вопросы должны решаться на национальном уровне, в рамках национального законодательства). Однако все больше норм вырабатывается в структурах Европейского Союза, потому что с этой целью работает огромная машина (люди, институты). Отдельные нормы могут быть реализованы только через национальное законодательство, в частности директивы. В этом случае дается определенный срок на то, чтобы привести их в соответствие с международным правом, взяв оттуда императивные и факультативные положения.

Большая часть норм регулируется с помощью регламента, причем в сфере интеллектуальной собственности — на двух уровнях. Первый уровень — товарный знак Европейского Союза действует на всей территории внутреннего рынка. Второй уровень — только специальными уполномоченными судами могут рассматриваться споры, связанные с нарушением этого знака, последствиями признания его недействительным либо досрочным прекращением его действия. Это нормы и инструментарий Европейского Союза, национальные суды высокого уровня в данном случае не решают эти вопросы.

Успех этого проекта привел к возникновению новых явлений, например промышленного образца. В сфере промышленности еще со времен Парижской конвенции по охране промышленной собственности действовало правило, что промышленная собственность может признаваться и защищаться с помощью государственных актов. В данном случае можно говорить о том, что произошла революция, потому что промышленный образец Европейского Союза, защищающий, например, индустрию моды, легкую промышленность Европы, работает без регистрации. Если знак зарегистрирован по облегченной процедуре, то в этом случае он защищен от имитации, копирования в течение пяти лет. Произошло изъятие определенной сферы компетенции у государства. Международное право начинает проникать даже в эту сферу, достаточно автономную и самостоятельную, поэтому необходимо

изучить явления, с которыми мы можем столкнуться в ближайшем будущем.

М. А. ХРУСТАЛЕВ, *1 курс, юридический факультет*: — Владимир Львович, не считаете ли Вы влияние норм международного права на национальное законодательство давлением?

В. Л. ЭНТИН: — Мы склонны относиться к законодательству и его нормам как к своеобразному фетишу. Законодательство, нормативные акты создают люди. Например, 4-я часть Гражданского кодекса РФ, подготовленная группой ученых под руководством профессора А. Л. Маковского, встретила ожесточенную критику юридического сообщества. Но большое количество норм, представленных там, было заимствовано.

В любом случае международное право присутствует и оказывает влияние на национальное законодательство. Мы стараемся заимствовать лучшее из законодательства разных стран. Например, в сфере интеллектуальной собственности представляют интерес законодательства Китая, Вьетнама, Индии (в последнем, кстати, выработано много норм, касающихся защиты фармацевтических отраслей).

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется Татьяне Леонидовне Баталовой.

Т. Л. БАТАЛОВА: — Если речь идет о международном праве и необходимости определения места национального права, следует проанализировать такой источник, как Договор о Евразийском экономическом союзе. Прослушав предыдущие выступления, я пришла к выводу, что этот договор сегодня можно назвать источником интеграционного права. Возникает вопрос: насколько в рамках Евразийского экономического союза смогут сохранить свой национальный суверенитет страны, которые уже вступили в него? Насколько этот суверенитет может пострадать при реализации существующих норм?

С моей точки зрения, этот акт в мае 2014 года принимался в спешке. С 1 января 2015 года, когда он вступил в юридическую силу, в нем практически ничего не изменилось, в частности представление о рынке определенных услуг, например образовательных. Сегодня предоставление образовательных услуг регулируется посредством регламентации определенных норм, включенных в лицензионное законодательство. Речь идет о том, что каждая страна, вступившая в Евразийский экономический союз, имеет собственные лицензионные требования. В результате казахстанское национальное право не позволяет нам в полной мере реализовать лицензионные формы Российской Федерации (в частности, в Алматинском филиале СПБГУП). Одновременно наличие лицензионных норм в Республике Казахстан не позволяет реализовывать нормы Российской Федерации. Мы постоянно находимся под угрозой нарушения тех или иных норм.

В настоящее время назрела необходимость немедленного решения подобных вопросов, что будет спо-

собствовать более быстрой интеграции образовательных систем. Насколько диплом, специальность, которую студенты получают в России, будут соответствовать требованиям, предъявляемым Казахстаном к специалисту соответствующего уровня? Сейчас выпускники, получившие российское образование, должны нострифицировать свой диплом на территории Республики Казахстан.

Существуют правовые нормы, которые не позволяют людям чувствовать себя равными на рынке труда в России и Республике Казахстан, что обуславливает срочное принятие определенных норм, которые позволят привести к единому знаменателю стандарты хотя бы в области образовательных услуг (не говоря уже об унификационных услугах, потому что законодательство России и Казахстана в этой области существенно различается). На сегодняшний день есть непаханое поле, на котором можно увидеть ростки того, что называется интеграцией и объединением тех или иных норм.

Сегодня образовательное законодательство Республики Казахстан соответствует европейским нормам. Насколько мы сможем интегрироваться в образовательную систему Российской Федерации за короткий промежуток времени, покажет история. С одной стороны, наши системы права схожи, с другой — возникают определенные проблемы, которые необходимо решать (хотелось бы, чтобы активизировались усилия в этом направлении).

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается Алексей Сергеевич Карцов.

А. С. КАРЦОВ: — Мне облегчил задачу председатель Оргкомитета, ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий, который, развивая дискуссию на пленарном заседании, задал вопрос: стоит ли России участвовать в деятельности Европейского суда по правам человека?

Проблемное поле моего доклада, который опубликован на сайте Lihachev.ru, — рассмотрение одного из вызовов глобализации, связанного с феноменом судейского активизма. Это довольно интересное явление, которое проявляется как на национальном, так и на наднациональном уровне. Если говорить применительно к Европейскому суду по правам человека, судейский активизм проявляется в попытках предельного расширения конвенционных обязательств государств. В толковании конвенции так, как считают представители большинства судейского корпуса, кроется конфликт между суверенной волей государств (которые в свое время написали текст с конкретными обязательствами) и теми смыслами, которые потом, уже в процессе наднационального правоприменения, насыщают эти обязательства судей наднациональных судов.

В докладе рассматриваются технологии расширительного толкования субъектов, правоотношений, доктрины европейского консенсуса и автономного применения, которые позволяют применять к одним государствам одни стандарты, а к другим — совершенно другие. Европейский консенсус — опасная доктрина: если в конвенции закреплено то или иное обязатель-

ство, но судьи диагностируют некое общее направление, общий вектор развития европейской правовой мысли, они могут волей национального правоприменителя считать это равносильным традиционным обязательствам.

Возвращаясь к теме глобализации права, хочу сказать, что глобализация неотвратима. Сближение правовых порядков происходит и будет происходить, вопрос лишь в деталях, методах, подробностях, будет ли это действительно согласование воли, или гармонизация, или агрессивное столкновение различных правовых систем, потому что судьи, расширительно толкующие европейскую конвенцию, вносят смыслы, которые почерпнули из своих правовых систем. Таким образом, имеет место латентная, а порой и открытая интервенция положений, выработанных в рамках одних национальных правовых порядков, в другие национальные правовые порядки.

В современной ситуации единственной преградой на этом пути, если говорить о вызовах, стоящих перед национальной правовой системой Российской Федерации, являются высший орган конституционного правосудия — Конституционный Суд РФ и модель применения и реализации решений Европейского суда по правам человека, которая закреплена в постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 6-П. В этой резолюции разъясняется, что если в суд Российской Федерации обращается заявитель с решением, вынесенным в его пользу Европейским судом по правам человека, и если исполнение этого решения связано с неприменением или проблематичным применением норм российского законодательства, суд общей юрисдикции вправе приостановить рассмотрение дела и направить запрос в Конституционный Суд РФ. В этой ситуации Конституционный Суд решает, является ли российский закон препятствием к исполнению решений Европейского суда по правам человека, является ли это решение конституционным. Если положение признается неконституционным, Конституционный Суд РФ вводит временное регулирование, если подтверждается конституционность, именно Конституционный Суд определяет порядок исполнения решений Европейского суда по правам человека. Это относится в том числе и к тем случаям, когда суд общей юрисдикции сталкивается с тем, что постановление Конституционного Суда препятствует реализации решений Европейского суда по правам человека. Поскольку отмену решений Конституционного Суда РФ наше законодательство не предусматривает, это истина в последней инстанции, именно он определяет, в какой мере и каким образом решение Европейского суда может быть внедрено в национальную правовую материю.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — В начале выступления Вы сказали о том, что глобализация неотвратима. Премьер-министр Д. Кэмерон заявил, что в следующем году в Великобритании пройдет референдум о выходе этой страны из Европейского Союза. Известен биологический закон: интеграция сменяется дифференциацией. Не кажется ли Вам, что мы наблюдаем сегодня антиглобализационные процессы?

А. С. КАРЦОВ: — Вспоминается мудрое выражение, что никогда так не врут, как после охоты и во время предвыборной кампании. Интересы электората, в том числе настроенного евроскептически (удельный вес именно этой части электората в Великобритании высок), подсказывают лидеру Консервативной партии именно такие слова. Но сейчас глобализация предопределена экономическим сближением. И поскольку это сближение будет продолжаться, постольку миграционные потоки будут кочевать с континента на континент, что неизбежно отразится и на правовом сближении. В этом отношении медвежью услугу глобализации оказывают не евроскептики, ее открытые противники, а сторонники, которые слишком усердно пытаются ускорить процессы глобализации и превратить плавный процесс гармонизации в утрированную, форсированную рецепцию.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется Евгению Никандровичу Тонкову.

Е. Н. ТОНКОВ: — На мой взгляд, несвобода предполагает определенную свободу (это 10 % абсолютной свободы). Сегодня в дискуссии поднимался вопрос о традициях. Я сформулировал три правовые традиции современности: первая — современная традиция, которую можно назвать обвинительной, вторая — более отраслевая (традиция скрывать от стороны защиты свидетелей, которых вызовут на следующее судебное заседание, и пр.), о третьей традиции скажу немного позже.

Несколько слов о конфликте между российским и европейским представлениями о справедливости. Европейская справедливость проявляется через решения Европейского суда по правам человека и содержит три дискурса — равенство сторон, равное представление доказательств (состязательность) и мотивированность судебного решения (аргументация, в том числе логическая). Российское представление о справедливости полностью отождествляется с законностью. Решение суда, вступившее в законную силу, считается справедливым.

В связи с этим можно говорить о третьей традиции — российское понимание справедливости, которое не корреспондирует или отождествляется с европейской справедливостью, это разные явления. Поэтому российская традиция всегда будет находиться в конфликте с европейской. В данном случае я не вижу общего направления развития глобализационных процессов.

Справедливость, свобода и право существуют в пространстве, так же как и право по кругу лиц и во времени. Свобода в пространстве, по кругу лиц и во времени — это в первую очередь субъективная свобода, которая человеком воспринимается индивидуально и не может иметь общего представления.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Заключение предоставляется Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я хочу обратиться прежде всего к студентам. Мне кажется, что им было не все понятно в нашей дискуссии и необходимо прояснить положения, о которых шла речь (обычный педагогический прием предельного упрощения).

Существуют универсальные правовые нормы, которые присутствуют и в Конституции РФ; они содержатся в первой и второй главах (разделение властей и другие положения). Если вы сравните формулировки этих юридических норм с теми, которые содержатся в конституциях многих других государств, то получите представление о том, что все универсально. И поскольку российская Конституция (эпицентр правовой системы) содержит универсальные правовые нормы, возникает вопрос: есть ли в этом документе что-либо еще, кроме универсального правового механизма?

В преамбуле Конституции России представлены две важные разнонаправленные идеи. Мы, россияне, осознаем себя частью мирового сообщества и в этом смысле подчиняемся универсальным правовым нормам. Но вместе с тем в преамбуле говорится о том, что мы чтим память наших предков, подчиняемся правовым традициям, которые сложились и невидимым образом присутствуют в нашей Конституции. Основной закон в этом смысле является квалификацией нашего национального правового опыта. Возникает вопрос: если первая часть, универсальное право, носит формализованный характер, а вторая часть, национальные правовые традиции, — неформализованный, что такое национальные правовые традиции?

Многие не вполне осознают, что такое национальные правовые традиции. Поэтому в наших рассуждениях присутствовали следующие ответы: первая точка зрения — у нас нет собственных правовых традиций, вторая точка зрения — у нас есть правовые традиции, потому что мы древняя нация с богатейшими традициями. Я убежден, что у России есть правовые традиции, потому что культура нашей страны не ограничивается тремя столетиями общения с европейским миром. Культура России (через религию, православие) восходит к Византии (а это развитый римский мир). В III веке римские юристы назвали себя жрецами, занимающимися юстицией. В выражении «Мы чтим справедливость» заложены основы российской правовой традиции.

Сегодня обсуждался вопрос, что лучше — закон или справедливость. Наша правовая традиция — справедливость. Не случайно у русского народа, в русской правовой культуре обостренное отношение к справедливости. У нас есть хорошие правовые традиции, в том числе советские, которыми мы можем гордиться и которые можем привнести в мир как собственный опыт. Не следует стесняться этого периода истории, например традиция советского здравоохранения — высокое достижение всего человечества.

Я не соглашусь с уважаемым коллегой Андреем Геннадьевичем Лисицыным-Светлановым, который назвал словом «традиция» то, что имеет негативный оттенок. Ибо этим высоким словом следует называть только то, что имеет позитивное содержание.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Когда мы говорим о традициях, речь идет прежде всего о позитивных явлениях. Но негативные тенденции существуют и, к сожалению, влияют на нашу жизнь и развитие.

В своем заключительном слове я хочу высказать некоторые суждения по поводу услышанного (может быть, они будут полезны для того, чтобы использовать их в научном процессе и при подготовке курсовых и дипломных работ). Фундаментальные знания, которые мы получаем, требуют практического преломления.

Отрадно, что заседание секции началось с выступления профессора Графского на тему толерантности. Безусловно, без толерантности невозможно взаимодействие. Но возникает вопрос о границах толерантности, чтобы она не превратилась в свою противоположность, и конкретных формах, в которых она может проявиться.

Что такое толерантность с точки зрения развития законодательства, как один из институтов внутреннего права? Этот вопрос связан с развитием института диспозитивности в праве. В сфере частного права это один из основополагающих моментов, но, тем не менее, он должен коррелировать с проблемами публичного права, по крайней мере в сфере регулирования экономики. Это одно из направлений развития, важное с практической точки зрения.

Другая проблема связана с толерантностью в сфере международно-правового регулирования. Основным источником международного права является международный договор, четкая и ясная норма права, которая зафиксирована с согласования обеих сторон. Но в реальности получило развитие так называемое «мягкое» право через национальное правоприменение (применение того, что не является безусловно императивным, через национальную юрисдикцию).

Следующий вопрос — использование общеправовых институтов. Подобные институты встречаются в различных странах, например можно упомянуть закон США об экспортном контроле (основание для ограничения экспорта — государственная безопасность, национальные интересы). Сам институт национального интереса не является чем-то абстрактным, он действует в разных правовых системах. Следовательно, вопросы, связанные с общеправовыми институтами, могут использоваться для регулирования как внутренних, так и международных отношений и также должны являться предметом внимательного изучения.

Несколько слов об инновационном развитии. В 1970–1980-е годы разрабатывался международный кодекс поведения в области передачи технологий. Кодекс был почти полностью согласован, но остались две статьи, которые различные государства не могли согласовать: право, подлежащее перемене в контракте при передаче технологий, и порядковое урегулирование споров. Эти сугубо правовые вопросы останавливают многолетнюю работу авторитетной комиссии.

В России закон о поддержке развития инноваций был подготовлен Академией наук. Но когда он был внесен на рассмотрение в Государственную Думу,

его не допустили к первому чтению. Появился другой закон, и сейчас мы находимся на том же месте, где и до того. Поэтому неправильно говорить в целом, например закон об инновациях. Нужно продумать, что можно сделать предметом регулирования (усилить, улучшить, отодвинуть, совершить определенные действия, которые регулировали бы развитие).

Следующий момент — спор о верховенстве международного или национального права. Речь главным образом идет о взаимодействии определенных институтов. Когда мы цитируем Конституцию, то говорим о том, что это общепризнанный тезис международного права, которое является частью правовой системы. Но общепризнанные принципы международного права не закреплены ни в одном международном договоре. Фактически речь идет об определенной модификации положений ООН. Они не обладают императивностью, но Конституция говорит о том, что в силу содержания и прогрессивности они являются частью правовой системы. Но коль скоро принципы международного права не императивны, они как часть правовой системы реализуются через национальное правоприменение.

Международный договор — это договор, который ратифицирован (он урегулирован, в нем четко определены стороны и предмет, за которые нельзя выходить). Но говорить о верховенстве международного права, о том, что международный договор стоит над иным договором, нельзя, он регулирует специальные отношения, о которых договорились стороны.

Несколько слов о суверенитете. Я согласен с теми, кто считает, что передача суверенитета или его делегирование — это позитивный процесс. Но существование и принудительное ограничение суверенитета, с использованием денег и других средств. Следовательно, в данном случае нельзя использовать общие подходы — победит тот, у кого есть средства. Поэтому говорить о суверенитете как об общей тенденции, характерной для современного развития, преждевременно.

В связи с вопросом об интеграции можно напомнить о рецепции права Франции в Бельгии. Рецепция права отнюдь не означает определенной унификации правоприменения.

И последнее — при обсуждении вопроса о глобализации права не была затронута тема, связанная с регулированием в сфере Интернета, которая поднималась на пленарном заседании. Что такое право в реальном пространстве? Это действие законов в пространстве и времени. Что такое право до возникновения Интернета? Это право «вытянутой руки», то, что власть могла сделать физически: закрыть, предоставить, отнять, передать. Право исторически возникло как право определенной территории. Интернет изначально выходит за рамки определенного места, следовательно, требует других подходов к урегулированию этого пространства.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, заседание нашей секции подошло к концу. Благодарю всех за участие в дискуссии!